

Мария и Усралимова

ИМАМ ШАМПИЛЬ

Книга первая

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова
Имам Шамиль. Книга первая
Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание
сочинений в 15 томах. Том», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25914656

*Собрание сочинений: в 15 т., Т. 2 : Имам Шамиль: трилогия: книга
первая. / М.И. Ибрагимова: Советский писатель; Москва; 2017*

ISBN 978-5-906726-98-8

Аннотация

Книга о легендарном имаме Дагестана и Чечни. Долгие годы Мариам посвятила изучению документов, касающихся героических и трагических страниц Кавказской войны, жизни-борьбы Имама Шамиля. Роман показывает единение Кавказа и России – как историческую неизбежность; отношения между людьми, обречёнными убивать друг друга и страстно протестующими против этой обречённости; великие моменты просветления, когда обе стороны проникаются трагическим осознанием того, что творят.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	107

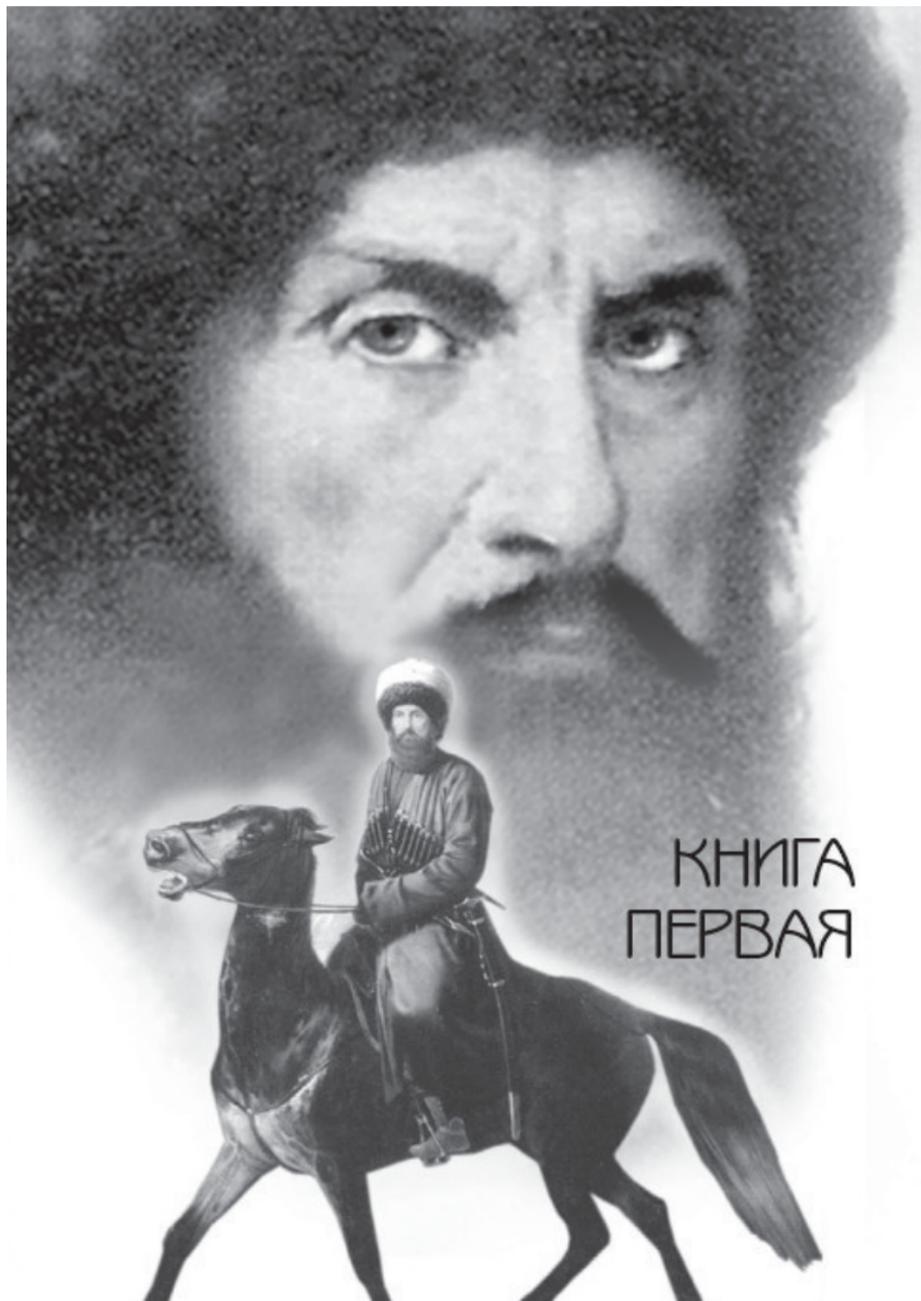
Мариам Ибрагимова Имам Шамиль. Книга первая

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 2

КНИГА
ПЕРВАЯ

Глава первая

– Салам алейкум, Шамиль!

– Ваалейкум салам! – ответил юноша, поднимая голову, склоненную над раскрытым Кораном.

У дверей стоял смуглолицый молодой человек среднего роста.

– О, Магомед, с приездом! – отложив книгу в сторону, Шамиль поднялся с ковра, протянул гостю руку. Худошавый, стройный, он был на голову выше Магомеда. Его угловатые широкие плечи, длинная мускулистая шея как-то не соответствовали задумчивому взгляду серо-голубых глаз.

– Хвала Аллаху, дарующему радость встреч с друзьями! – воскликнул Магомед, обмениваясь с Шамилем рукопожатием.

– Проходи, садись.

– Как здоровье Доного, Баху, Патимат? – спросил гость, усаживаясь на полу.

– Живы, здоровы. К сожалению, нет их дома. Отец на рассвете уехал в Шуру на базар. Мать с сестрёнкой отправились в соседний аул. На дворе весна, начинаем сев.

– Да, пора, я тоже спешил к этому времени. Одной матери трудно управляться с хозяйством... А ты, говорят, ещё до наступления холодов вернулся из Аракань.

– Да, не поладил с Саид-кадием¹. – Шамиль сдвинул брови, опустил глаза. – Сожалею, что не поехал с тобой в Яраг.

– Не жалей, не нужно идти против воли отца и матери. Они бывали недовольны, когда я увозил тебя в чужие края. Помнишь, как Доного возмущался: «Сколько можно ходить в поисках учёных и умножать знания?»

– Он понимает, что муталимам² даже при богатых мечетях приходится туго. И на самом деле, нелегко жить на одни подаяния и жертвования милосердных прихожан, – оправдывал Шамиль отца.

– Да, зажиточных родителей мало интересуют науки, они больше заботятся об умножении своего состояния, – заметил Магомед.

– Но ты знаешь, что в вопросах ученья я всегда шёл наперекор желанию родителей. Считал и считаю недопустимым предаваться лени в течение долгой зимы. С начала посевных до окончания уборочных работ мы всегда бывали дома. И на этот раз, если бы не приболела мама, несмотря на декабрь, я последовал бы за тобой в Кюринский вилает³.

– Успеешь побывать там, поучиться и у шейха⁴ Ярагского. Один арабский мудрец сказал: «Жизнь от колыбели до могилы есть наука».

---

¹ Кадий – судья, ученый, наставник.

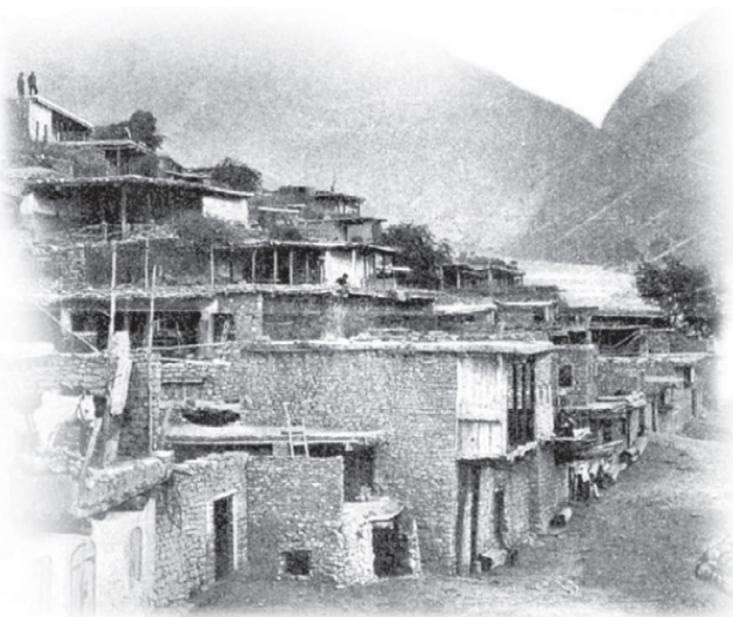
² Муталим – ученик.

³ Вилает – округ.

⁴ Шейх – глава религиозной общины, проповедник.

– А всё-таки жаль, пропал год из-за араканского пьяницы, – сказал Шамиль.

– Напрасно погорячился. Саид-кадий мог тебе дать кое-что. Он тоже окончил медресе, затем высшую духовную академию в Стамбуле и считается неплохим знатоком права.

Аул Гимры – родина Шамиля

– Быть может, он хороший законник, но мусульманин плохой. Нельзя уважать человека, который проповедует то, чего не придерживается сам.

– Ты прав, Шамиль. Помню, ещё в Унцукуле, до нашего переезда в Гимры, покойный отец говорил: «Для Саид-кадия

араканского первым законодателем является не посланник бога, а тот, в чьих руках власть и деньги».

– Прав был твой родитель. Презренный араканский улем⁵ не может сравниться ни в чём с почтенным устатом⁶ Джамалуддином-Гусейном Казикумухским, да продлит Аллах течение его дней.

– Несомненно, Джамалуддин-эфенди⁷ является одним из выдающихся учёных в Дагестане, – согласился Магомед и продолжил: – Его отец, Сеид-Гусейн, тоже был видным учёным. Грамоте обучался у местного муллы, брал уроки у шейха Ярагского, учился в Тегеранском медресе, высшую духовную академию окончил в Стамбуле. Он в совершенстве владеет персидским, турецким, азербайджанским и многими местными языками.

– Наш бывший учитель славится не только большими знаниями, но и родословной, – поддержал друга Шамиль. – Род его уходит корнями в глубь веков, беря начало от династии корейшитов, от почтенной Фатимы – дочери основоположника ислама.

– Мне сам устат рассказывал о том, что его предки пришли в горы из жарких пустынь Аравии вместе с победоносным войском Абу-Муслима и был назначен в Кази-Кумухе

---

⁵ улем – ученый.

⁶ Устат – праведник, духовный авторитет.

⁷ Эфенди – господин, уважительное обращение.

шахом магала⁸.

– Значит, недаром Сурхай-хан выделял этому роду пятую часть добычи после набегов на Грузию?

– Не только он, даже Аслан-бек, ставленник проклятого Ярмула⁹, пожаловал Джамалуддину три больших селения в Казикумухском ханстве и назначил его визирем¹⁰ своей канцелярии. Правда, взаимоотношения их в последнее время испортились.

– Из-за чего? – спросил Шамиль.

– Причина тому – ярагский шейх.

– Недаром устад Казикумухский настаивал на изучении тариката¹¹ у шейха в Яраге, – заметил Шамиль.

– Потому что светлейший является единственным в Дагестане знатоком тариката. Сам устад, даже будучи ханским визирем, брал у него уроки.

– Выходит, светлейший шейх как учёный стоит выше почтенного устада? – рассуждал Шамиль.

– По знанию тариката и духовному сану – да.

– Простить себе не могу, что из-за араканского лицемера потерял год, – сказал Шамиль и продолжал раздражённо: – Он каждый день являлся в мою келью пьяным. Пил вино, идя в Джума-мечеть в пятничный день. Противно бы-

---

⁸ Шах магала – правитель округа.

⁹ Ярмул – так горцы называли генерала А. Ермолова.

¹⁰ Визирь – секретарь.

¹¹ Тарикат – учение о достижении духовного совершенства.

ло смотреть, когда этот дьявол с багровым носом, со взором, затуманенным от хмельного питья, касаясь нечистыми перстами лучших уложений величайшего из пророков, начал учить. Однажды, не выдержав, я спросил его: «Почтенный муалим¹², соблюдаешь ли ты сам все правила мусульманской религии?» – «Да!» – решительно ответил Саид-кадий. – «Неправда», – сказал я. Удивлённый педагог уставился на меня стеклянными глазами. Тогда я начал говорить: «Будучи кадием, нельзя нарушать одно из основных требований Священного писания». Он догадался, о чём идет речь.

Вместо ответа протянул руку к книгам, лежащим на полке. Взял том Аш-Шафии, раскрыл страницу, ткнул пальцем на строки и положил передо мной. Прочтя то место, где было сказано, что мусульманину дозволено употреблять напитки, но не уточнено, какие именно, ибо мог иметься в виду безалкогольный шербет, я взял Коран, написанный Меликом-Ибн-Ансаром, «Муватта», и показал ему то место, где было ясно сказано: «Мусульманину употребление дымов и напитков, вызывающих помутнение сознания, запрещается».

– Что ответил кадий на это?

– Он стал уверять меня в том, что сам пророк Мухаммед Коран не писал, мол, это сделали его последователи и преемники. Утверждал, что позднее, переписывая Коран, хали-

---

¹² Муалим – учитель.

фы¹³ мусульманских вилаетов, а также главы суннитского и шиитского¹⁴ толков вносили изменения и поправки и таким образом изменили первоначальный текст. Тогда я с возмущением заметил: «Если довериться откровения, продиктованные Аллахом своему посланнику, таким, как ты, учителям, можно дожидаться искажения всех истин, с признанием идолопоклонства, пьянства и разврата. Известно, что Всевышний в Коране говорит о том, что он создал ислам совершенным, лёгким и доступным всем. И до Судного дня будет беречь его священный текст от искажений и нововведений». И тут же поднялся, покинул келью и в тот же день уехал из Араканы.

– Правильно сделал. Араканский кадий – не твёрдый мусульманин, пусть знает, что есть ученики, которые могут превзойти его.

– Где уж ему быть твёрдым, – продолжал Шамиль, – если племя его ещё недавно пользовалось обрядами огнепоклонничества. В народе ходят слухи, будто он посещает дом гяура¹⁵ – туринаского губернатора, доносит на некоторых односельчан и жителей других аулов.

– Пусть обрушится гнев Божий на его испорченную голову! Не удивляйся, брат мой Шамиль... Люди, даже умнейшие, пристрастившись к питию, теряют постепенно дар здра-

---

¹³ Халиф – титул верховного главы в мусульманском государстве.

¹⁴ Сунниты и шииты – основные направления в исламе.

¹⁵ Гяур – неверный, отступник, враг.

вого мышления, а следовательно, и совесть. Они становятся способными на ложь, лицемерие, любую другую подлость.

– Клянусь Аллахом! – воскликнул Шамиль. – Когда-нибудь я доберусь до грязных подвалов пьянчуги, перебыю со- суды, опрокину чаны с вином, только прежде это нужно мне сделать в доме своего отца.

– Не горячись, брат мой, не с этого конца нужно начи- нать... Уничтожением дьявольского напитка в двух домах ничего не добьёшься. На выкорчевывание того, что укореня- лось веками, потребуется не один день.

Оживлённый разговор друзей прервала вошедшая жен- щина:

– Мир дому!

– А, тётушка Меседу. Добрый день, входи, – ответил Ша- миль.

– У тебя гость, – женщина кивнула на сидящего спиной к двери.

Гость обернулся.

– С приездом, Магомед. Как самочувствие, какие новости привёз?

– Спасибо, Меседу, ничего. Спокойствие и благополучие привёз. Как твоё здоровье?

– Благодаря милости Аллахажива осталась. – Женщина, заметно прихрамывая, подошла к сидящим, поставила перед ними блюдо с горячими лепёшками.

– Они с творогом, только что испекла. Шамиль любит их.

Ешьте. – Меседу ласково взглянула на племянника.

– Спасибо, тётя, балуешь меня.

– Больше некого баловать, ты один можешь заменить мне отца и мать, брата и сестру, сына и дочь. Ешьте на здоровье.

– Как никогда кстати, – сказал Шамиль, макая в сливочное масло кусок тонкой лепёшки. – Сам Бог послал, видя, что в доме дорогой гость.

– Не знала я, что у нас гость, что-нибудь повкуснее приготовила бы.

– Не огорчайся, сестра, ничего лучше придумать нельзя, – сказал Магомед.

Довольная Меседу заулыбалась. Присев на корточки возле молодых людей, заговорила:

– Вчера у озера встретила Патимат. Она сказала, что Дюного рано утром едет в Шуру, а сама с матерью уходит на целый день в соседний аул. Вот я и решила навестить племянника, горячей едой покормить.

– Дай Бог, тётя, чтобы в закромах твоих всегда было зерно, чтоб до конца дней своих могла подать ближнему и стоящему у твоего порога с протянутой рукой, – сказал Шамиль, вытирая ладонью губы.

– Хвала Аллаху. Спасибо и тебе, Меседу, – поблагодарил Магомед.

Женщина взяла поднос, пошла к двери. Магомед, глянув вслед, удивлённо вскинул брови. Когда за тётушкой захлопнулась дверь, спросил:

– Что с ней случилось, почему хромает?

Шамиль вздохнул. Помолчав немного, стал рассказывать:

– Как тебе известно, Меседу – младшая сестра моего отца.

После смерти родителей жила в нашем доме, нянчила меня, хотя только на шесть лет была старше.

– Да, мы вместе, в один год пошли к сельскому учителю, – подтвердил Магомед.

– Совершенно верно, в тот день и я увязался за ней, помнишь?

– Да, ты так кричал, уцепившись за её платье, что, увидев твои слёзы, муалим Гимбат сжалился, усадил тебя на ковре между мной и ею с условием, что будешь сидеть смирно. Ты сел и, не отрывая глаз от лица учителя, шёпотом повторял: «Алип, би, ти, си, джим», как все ученики. Учитель, глядя на тебя, улыбался всё время.

– Там и началась моя дружба с тобой. Учитель в конце года сказал, что я не отстал от старших учеников в учёбе.

– Удивительно способный и послушный ребёнок, – говорил учитель. Старик ни разу не коснулся тебя пальцем, а нам доставалось от него. Помнишь его кизилую палку? Строгий был, часто за малейшее невнимание стегал нас то по вытянутой ладони, то по спине и только тебя одного гладил по голове.

– Но ведь я был совсем ребёнок, заучивал буквы, их сочетания, не понимая, как и вы, смысла арабских слов... Но разговор не о нас... За два года Меседу научилась читать Ко-

ран. Для девочки это считалось вполне достаточным.

– Но недостаточным для такого книгоглотателя, как ты, – пошутил Магомед.

– А разве тебе было плохо со мной? Не муталимом я был, а слугой твоим, носил воду, убирал келью, обувь твою чистил, заботился о еде, – заметил Шамиль.

– И в учёбе от меня не отставал. Скажи спасибо старому учителю Гимбату, который уговорил твоих родителей отпустить тебя из дому, благо, что Унцукуль недалеко от Гимр.

– Да, я благодарю первого учителя. Но речь не о нас, – перебил Магомеда Шамиль. – Так вот, когда мы отправились в Унцукуль, двенадцатилетнюю Меседу стали сватать за её двоюродного брата Чопана, которого Аллах наделил самым длинным из носов.

– Чопана знаю хорошо.

– Так вот, за этого узденя¹⁶ из состоятельной семьи никто не выдавал замуж своих дочерей – и всё из-за носа. Тогда глава нашего рода остановил выбор на Меседу. Родственница, сирота и к тому же красавица-узденка.

Когда Меседу узнала об этом, она сказала старшему брату – моему отцу: «Не пойду за Чопана ни за что».

---

¹⁶ Уздень – свободный горец.

Родственники от уговоров перешли к угрозам. Приехав на побывку, я слышал, как отец говорил девушке:

– Меседу, не упрямясь, Чопан – лучший джигит в Гимрах. Мы не допустим, чтоб из-за такого пустяка, как нос, один из наших родственников остался неженатым. Нам необходимо умножать наш род назло и на зависть врагам.

– Всё равно не выйду, лучше руки на себя наложу, – ответила моя юная тётушка.

– Я голову твою сорву! – крикнул отец.

Тогда Меседу сняла с гвоздя кижнал, обнажила лезвие и, поднеся брату, сказала:

– На, зарежь, мне легче умереть, чем жить с тем, на кого глаза не глядят.

Братья и дяди решили пойти на обман, сказали, что выдадут её за младшего брата Чопана – красавца Султан-Ахмеда. Меседу дала согласие. Родственники стали готовиться к свадьбе, скрывая истинные намерения. Даже я узнал о коварной лжи только в ночь, когда в тёмную комнату новобрачных вместо Султан-Ахмеда ввели Чопана. Я, возмущённый обманом, бросился к отцу, стал его стыдить, говоря, что так поступать не только жестоко, но и низко. В ответ я получил пощечину – в первый и последний раз в жизни. Но это не была оскорбляющая рука, она не могла пробудить чувство мести в сердце сына. Я ушёл со свадьбы удручённым. На рассвете, когда раскрылся обман, Меседу в отчаянии пыта-

лась выброситься из окна. Чопан удержал её тем, что, схватив нож, собственноручно отсёк часть своего носа. Молодая жена смирилась.

Вскоре к ним приехал кунак¹⁷ из Чиркея. Переночевал. Утром невестка скатала постель, на которой спал гость, подмела комнату. Вдруг свекровь заявляет ей, что у чиркеевского кунака пропал серебряный рубль. Меседу обыскала комнату, потрясла тюфяк, одеяло.

– Поищи где-нибудь у себя, – бросила ей с ехидством свекровь.

Меседу изменилась в лице, с укором глянула на пожилую женщину:

– Побойся Бога, Бахтика!

– Пусть боятся нечистые на руку, – ответила та.

Невестку словно ветром вынесло из сакли. Люди видели, как она бежала без платка к обрыву над Койсу. Её нашли на каменистом островке у кипящего потока, без сознания, со сломанной ногой.

В дом мужа Меседу больше не вернулась. Её приютила одинокая тетка, родственница по матери. Нашлась в тот же день и проклятая монета, утерянная гостем. Она оказалась в чарыках¹⁸ самого хозяина – кунака из Чиркея.

Шамиль умолк.

Магомед задумчиво разглядывал громады голых скал,

---

¹⁷ Кунак – друг, побратим.

¹⁸ Чарыки – обувь из сыромятной кожи.

возвышающихся над селением. Лишь кое-где на их вершинах, цепко ухватившись за каменистые уступы кривыми корнями, стояли одиночные ели. Ярко светило весеннее солнце. В уютной Гимринской долине пышно цвели розовые персиковые и абрикосовые сады. Рядом с ними чернели виноградники и лоскуты возделанных земель. Ниже, под обрывистыми берегами, монотонно шумела река.

– Тихо и тепло у нас. А там, за этой могучей грядой Койсубулинского хребта, ещё гуляют холодные морские ветры, – прервав молчание, заметил Магомед.

– Ты прав, здесь гораздо теплее, чем в Шуре, а кажется, что до города рукой подать. Благодатный край. Сам Аллах постарался надёжно оградить нас гранитным валом от выжженных солнцем кумыкских низин и бескрайних степей гяуров. А как там южнее – в Кюринском видаете? Какие новости? – спросил Шамиль.

– Много их, полные хурджины¹⁹ привёз, – шутливым тоном ответил Магомед.

Голубовато-серые глаза юноши загорелись любопытством:

– Чего же молчишь? Выкладывай поскорее.

– Выложу, друг мой, всё выложу, дай собраться с мыслями.

Откашлявшись, Магомед начал неторопливый рассказ:

– Ты знаешь, что осенью я вначале отправился в Кази-Ку-

---

¹⁹ Хурджин- переметная сума.

мух. Там заручился письмом от учителя нашего устада Джамалуддина-Гусейна к светлейшему шейху Ярагскому. Наставник в Яраге принял меня приветливо, обласкал. Поездка была удачной: я побывал не только в Кюринском вилаете, но и в Азербайджане. Там мне удалось сблизиться с суннитами.

– Клянусь владыкой миров, ты рождён в день сияния Звезды Счастья! – перебив друга, воскликнул Шамиль.

Магомед продолжал:

– Вскоре после моего приезда в Яраг учитель предложил мне поехать в город Ширван. Я охотно согласился. Через несколько дней мы оказались в гостеприимном доме славного шейха Хас-Мухаммеда – ученика и преемника известного кюрдемирского шейха Исмаила. Я побывал в богатейшей ширванской мечети, где почтенный Хас-Мухаммед читал проповеди. Присутствовал при долгих беседах обоих седобородых мудрецов.

– О чём они говорили? – спросил Шамиль, сгорая от любопытства.

– О спасении нашей страны от нашествия многобожных урусов. Оказывается, Азербайджанский вилайет разделён на суннитов, которым покровительствует Турция, и на шиитов, которых поддерживают и подстрекают против неверных иранцы. Вражда шаха и султана ослабла из-за нового противника, грозящего обеим странам с севера. Дорогу к ним преграждает Дагестан. Они хотят, чтобы мы, единоверцы, пер-

выми поднялись на газават²⁰против гяуров.

– Защитили их, – заметил Шамиль.

– Не только их, но и себя.

– Что же наш народ сможет сделать теперь, когда Чеченская низменность, кумыкская равнина вместе с Дербентским проходом захвачены и надёжно укреплены царскими войсками?

– Необходимо изгнать их.

– Своими силами?

– Сначала да.

– Наверяд ли это удастся.

– С помощью Аллаха все можно сделать.

– Каким образом?

Магомед, не ответив на вопрос товарища, перевёл разговор, продолжив рассказ о шейхе Ярагском.

– Мы вернулись в Кюринский вилает, когда выпал снег. Почтенный учитель начал проповедовать мне непревзойдённый тарикат – учение о достижении нравственного совершенства, переданного правоверным через уста Пророка. Каждую пятницу мы отправлялись в мечеть, где светлейший шейх читал проповеди, в которых звучал призыв к газавату с неверными.

– Как на это смотрели ставленники хана – уездные старшины?

Газават – религиозная война.

---

²⁰ Газават – религиозная война.

– Как раз об этом я собираюсь говорить, – ответил Магомед. – Так вот, в дни ураза-байрам²¹ в маленькое селение, где жил проповедник, прискакал гонец. Он приказал светлейшему шейху немедленно явиться к касумкентскому старосте. Я и несколько муталимов сопровождали учителя. Еще у въезда в большое селение увидели людей с встревоженными лицами. Они пошли с нами к площади, где толпился народ. В стороне от толпы я заметил человека, который важно восседал на коне, покрытом дорогим чепраком²². Его окружали вооруженные нукеры²³. Нетрудно было догадаться, что это худший из ханов, презренный Аслан-бек, которого проклятый Ярмул назначил правителем Кюринского и Казикумухского ханств после изгнания Сурхай-хана. Когда седобородый шейх, опираясь на палку, предстал перед ним, Аслан-бек сказал:

– Ярагский мулла, зачем возмущаешь народ? Против кого призываешь на газават жалкое сборище? Тебе ли, хилому старцу, стоящему одной ногой в могиле, поднимать стадо ослов против несметной силы Белого царя? Ты слеп, как филин днём, слаб, как птенец, жалок, как нищий, тебе нечего терять. За славой, которую ищешь, призывая народ к мятежу, не видишь беду и разорение. Прекрати противозаконные проповеди. В противном случае я вынужден буду арестовать

---

²¹ Ураза-байрам – праздник окончания поста.

²² Чепрак – попона.

²³ Нукер – слуга, охранник.

тебя.

Учёный старик с опущенной головой молча до конца выслушал речь хана. Когда Аслан-бек умолк, шейх, подняв голову, сказал:

– Заблуждающийся, легкомысленный повелитель! Я бы советовал тебе одуматься и последовать хорошему примеру твоего предшественника и сородича – храбрейшего хана Сурхая, который не только в своих владениях, но и в Джаро-Белоканском вилаете, как истинный мусульманин, с мечом в руках вместе с ханами Аварии сражался против беспощадного войска жестокого Ярмула.

– В твоих советах я не нуждаюсь. Не хуже тебя знаю, что мне делать, против кого и за что поднимать оружие. Я хочу, чтобы в Казикумухском и Кюринском ханствах всегда были мир и спокойствие. Я, как правоверный, исполняю всё, что подобает исполнять мусульманину, – ответил Аслан-бек.

– Одинокий в мышлении обречён на гибель, – заметил шейх.

Хан ответил:

– У меня есть более достойные советчики, да и сам я мыслю не хуже кого-либо. Понятия «честь» и «совесть» не чужды мне.

– Ты лицемер и лгун! – крикнул шейх, перебивая хана. – Те, кому ты продался, несут нашему народу горе, угнетение, цепи рабства и позор. Твой идолопоклонник – Белый царь – хочет превратить нашу землю в загон, а нас – в скот. Хочет

отнять у нас веру, лишитъ всего, чем славились наши предки. Побойся Аллаха, бесстыжий отступник.

Учитель, откинув голову, обратил взор к небу, указуя перстом ввысь. Хлѣстные слова его пробудили гнев в гордом сердце хана. Рванув коня за уздцы, он приблизился к седловласому шейху и, склонившись с седла, дал ему пощечину.

Магомед продолжал:

– Гул возмущения разнёсся в толпе, но никто не сдвинулся с места. Учитель сник, застыл как вкопанный. Я выхватил кинжал и бросился на хана. Чьи-то сильные руки, схватив сзади, удержали меня. Нукеры вскинули кремневые ружья.

– Кто он? – спросил Аслан-бек, с презрительной усмешкой кивнув в мою сторону.

– Я сын почтенного шейха Мухаммеда, – бросил я ему в ответ.

– У шейха нет сына, это его муталим, аварец из Гимр, – пояснил староста.

– Тем более храбрец заслуживает прощенья. Он представитель народа, неподвластного мне, – сказал хан и, стегнув кнутом коня, ускакал со своими нукерами.

– Бедный учитель, он, наверное, не появлялся больше в касумкентской мечети? – спросил Шамиль.

– Напротив, – ответил Магомед, – в тот же час в сопровождении сотен сочувствующих прихожан направился он к храму и там как никогда смело и красноречиво выступил с призывом к борьбе не только с гяурами, но и с теми, кто стал

на их сторону, говоря, что отступники хуже неверных и опаснее. Но как бы ни возмущались и ни сочувствовали своему шейху лезгины, они ничего не смогут сделать. В тех краях малейшее волнение народа быстро подавляется. Оно и понятно: Кюринский вилает граничит с округами, где властвуют гяуры и их ставленники. Их орудия потрясают горы, достигают поднебесных высот. Старый шейх видит и понимает это. Он решил обратить взор на более недоступную сторону, населённую вольными обществами, – на Койсубу. Учитель посоветовал мне вернуться в родные места, обходить аулы, выступать перед соплеменниками с проповедью, поднимать единоверцев на грядущие дела. Прощаясь, сказал: «Нет силы и мощи, способной превзойти могущество Творца Вселенной. Только верующим в истину Всевышний дарует победу. Ты должен сделать то, что не смог сделать твой дряхлый учитель. С помощью Аллаха благословляю тебя на ратные дела. И станешь ты имамом во главе победоносного войска».

Когда взволнованный Магомед умолк, повторив слова шейха Ярагского, Шамиль стал рассуждать:

– Старик прав. Его труды в Кюринском вилаете не увенчаются успехом. Прикаспийское шамхальство Тарковское и ханство Дербентское давно отторгнуты, стали опорой гяуров. Владетели высокогорных Кази-Кумуха, Хунзаха и Мехтули являются ставленниками царя. На юге – Азербайджан и Грузия, на севере – Осетия, а также Притеречные и Присунженские земли тоже являются владениями русского государ-

ства. Вольными остались общества даргинские, койсубулинские и соседние аулы высокогорной Чечни. Этого слишком мало, чтобы противостоять окружению неверных.

– Ты забываешь, Шамиль, что всё, не захваченное гяурами, представляет собой сотворённую могучей рукой Аллаха неприступную каменную крепость. Взгляни ещё раз на гряды этого хребта. – Магомед показал на отроги высот. – Надёжный заслон не только от проникновения холодных северных ветров, но и мощная преграда на пути в горы. Эта гранитная стена тянется на десятки вёрст. На севере она спускается у Чиркея, на юге у Кудутлинских высот. Через хребет проложено несколько тяжёлых проходов, местами доступных пешеходу и горному коню. Проходы Каранайский, Эрпелинский, Бурут щук-Кальский, Шавгие-рек-Кальский и Кудутлинский – один другого труднее. Гарнизон этой естественной крепости хоть и невелик, но силён. Гимры, Унцукуль, Гергебиль, Бетль, Араканы, Ашильта, Ирганай, Кохаб-Росо, Кудатль, Моксох, Игали и другие могут выставить тысячи вооружённых воинов.

– И всё же, – возразил Шамиль, – хоть и недоступный, но всё-таки клочок земли есть клочок.

– Однако, – ответил Магомед, – такой же клочок в Чечне в течение многих лет не может покорить такая большая страна, как Россия, несмотря на орудия, которые стреляют железными ядрами. Наши отцы видели, как прославленный Бей-Булат из Маюр-Тупа и его сподвижник Абдур-Кадыр двину-

ли шеститысячное войско с высот Чечни на царские укрепления, расположенные вдоль Сунжи. Даже сам генерал Ярмул поспешил с солдатами из Гуржистана²⁴ на выручку осаждённых.

– А чем всё кончилось? – спросил Шамиль и сам же ответил: – В погоне за Бей-Булатом Ярмул огненным смерчем прошёлся по чеченским землям, опустошая аулы, истребляя всё население. А шейха Мансура и мы помним. Новый предводитель мятежных сил тоже был схвачен и погиб, сосланный на чужбину.

– Значит, друг мой Шамиль, нам следует уподобиться овцам, которых будут пасти волки?

– Нет, Магомед, я не за это. Просто я хочу, чтобы ты, прежде чем сделать серьёзный шаг, всё обдумал и взвесил... Тебя я считал и считаю старшим братом. Твоим успехам я всегда радовался как собственным. Твоё поражение будет невыносимым и для меня. Поезжай в Кази-Кумух, посоветуйся с нашим учителем, почтенным устасом Джамалуддином-Гусейном, помня мудрые слова: «Один ум недостаточен для решения вопроса частного, бесполезен в вопросе общем».

– Ты прав, Шамиль, посоветоваться придётся не только с устасом, но и со старейшинами, учёными Койсубулинского общества. Один мудрец сказал: «Советующийся приобретает в наставлениях, полученных в беседах с мудрецами, та-

---

²⁴ Гуржистан – Грузия.

кую победу, которую не дадут ему ни войско, ни битва, ни оружие».

В это время с улицы донеслись крики.

– Что за шум? – Шамиль быстро встал, подошёл к краю балкона.

– Не только шум, слышны вопли. Может быть, схватились кровники? – сказал Магомед, следуя за другом.

– Это не вопли, а смех.

В нижней части аула из-за поворота дороги, ведущей к площади, показалась толпа ребятишек.

– Диво! Диво! – весело кричали мальчишки, подпрыгивая от удовольствия. Люди высыпали на крыши домов, выглядывали из распахнутых дверей, окон. Весёлые возгласы и громкий хохот с каждой минутой возрастали.

– Что за кейф²⁵? Чему радуются наши сельчане? – удивлялся Шамиль, пристально вглядываясь в гущу толпы. – Аллах с ними, пусть лучше радуются, чем плачут...

– Да ты посмотри, на самом деле зрелище довольно потешное, – сказал Магомед, улыбаясь.

– Отвратительное, – с возмущением процедил сквозь зубы Шамиль.

Теперь с балкона дома, обращённого фасадом к сельской площади, хорошо было видно происходящее на дороге. К майдану²⁶ медленно двигалась вереница ишаков, навьючен-

---

²⁵ Кейф – веселье.

²⁶ Майдан – площадь, поляна для общих сходов.

ных пустыми плетёными корзинами. На голову одного из животных была нахлобучена огромная косматая папаха. За ними, громко распевая песни, шатаясь из стороны в сторону, шли в обнимку двое. Один – в чёрной черкеске, каракулевой папаше, сдвинутой на затылок, – казался вполне приличным. Второй – в бязевом исподнем белье, без шапки, рваный бешмет, натянутый на одно плечо, волочился по земле; из огромных чарыков торчали пучки сена. Бритая голова оборванца, отливая синевой, как круглая тыква, клонилась то на одно, то на другое плечо.

С приближением весёлой кавалькады смех и шум становились громче. Тонкие брови Шамиля сошлись у переносицы. Сквозь узкую щель сощуренных век серые глаза сверкали как лезвия.

– Какое бесстыдство, падение, позор, – шептали его бледные губы.

– Пьяный подобен безумцу, – перестав улыбаться, сказал Магомед.

– Хуже сумасшедшего. Лишённые ума достойны сожаления, а пьяницы – презрения. Правильно сделал бритоголовый идиот, надев свою шапку на ишака, ибо это животное имеет более благоразумный вид, чем следующая за ним тварь в облике человека.

Магомед молчал. Шамиль продолжал возмущаться:

– Надо же дойти до такого состояния по собственной воле, выставить себя посмешищем, потерять честь, совесть. Будь

моя власть, клянусь Аллахом, выпорол бы обоих плетью до потери сознания.

– Шамиль, ты всегда отличался добротой не только по отношению к людям, но и к животным. На крутых подъёмах сходил с коня, говоря, что тяжело ему нести седока в гору, и вдруг...

– Не выношу пьяных, мне приятнее видеть свинью, лежащую в грязи, чем мужчину во хмелю. О великий Аллах! – Шамиль посмотрел на небо. – Хвала тебе, избавившему нас от подобного позора! – Затем, повернув лицо к Магомеду, сказал: – Ты ведь знаешь, и мой отец здорово выпивал. Много огорчений он доставил мне. Стыдно бывало выходить на годекан²⁷, смотреть не мог в глаза сверстникам. Одно было спасение – уйти из дому. Но этим я приносил облегчение себе, а каково было матери, остальным родственникам... Наконец не выдержал. Это случилось вскоре после моего возвращения из Аракань. К отцу пришли гости.

– Иди, сын мой, посиди с нами, пригуби рог, ведь ты у меня уже взрослый, – сказал он.

---

²⁷ Годекан – место, где собираются мужчины аула.

Повинуясь, я сел за разостланную скатерть, но пить не стал, не поддался уговорам. Опорожнили кунаки огромный ковш, одурели. Налились кровью лица, остекленели глаза, язык высвободился из-под контроля затуманенного рассудка. Стали болтать почтенные гимринские уздени всякие глупости. Посмотрел я на них с грустью, поднялся и ушёл. В этот вечер, провожая гостей, отец упал с лестницы. Я не стал поднимать его и матери приказал не трогать. Пусть, думаю,

отрезвеет, и сам увидит, где лежит. Утром как ни в чём ни бывало, встал мой Доного с места, в хорошем настроении вошёл в саклю.

Я не поднялся навстречу, как делал всегда. Он, не обратив на это внимания, сел рядом и говорит вбежавшей сестрёнке. «Патимат, принеси кружку вина, похмелюсь».

– Не смей, – строго сказал я.

Девочка стояла в растерянности, не зная, кого слушать.

– Выйди из комнаты, – шепнул я ей.

Отец с удивлением посмотрел на меня.

– Так вот, отец, говоришь, что я уже взрослый, могу сесть с мужчинами за еду, разрешаешь подносить мне наполненный рог. Напрасно. Я готов как сын выполнить любую волю твою, кроме одной: пить никогда не буду. Больше того, и тебя прошу оставить это дело.

– Что плохого в том, что я выпью? Все пьют для увеселения души.

– Это обманчивое увеселение. Душу, если тяжело, надо облегчать молитвой.

– Молитва не всегда помогает, наоборот, пробуждает грусть и печаль, – возразил отец.

– Она не помогает тем, кто не твёрд в вере, – возразил я.

– Сын мой, ты заморочил себе голову бесконечной учёбой и чтением книг. В юношеские годы уподобился старому мулле. Зачем так рано отречься от земных благ? Для чтения Корана, долгого поста и длинных молитв есть старость.

Видя, что спору не будет конца, я взял Коран, возложил на него руку и сказал:

– Поскольку я не в силах применить меры насилия по отношению к тебе, применю их по отношению к себе. Клянусь Святым писанием, что если еще раз увижу тебя нетрезвым, покончу с собой.

– Вот видишь, – говорит отец, – с книгами не расстаёшься, а не знаешь, что самоубийство – тяжкий грех, даже хоронить таких запрещается на общем кладбище, тогда как о пьяницах этого не сказано в Коране.

– Мне всё равно, где меня похоронят. Я верю в справедливость только Божьего суда. Когда мы предстанем перед его величием, он скажет, кто из нас более грешен.

Отец знал, что я своеволен и дважды слово не даю. И перестал пить. Шамиль протянул палец в сторону площади и застыл с вытянутой рукой. Глаза его округлились. Он побледнел. «Доного! Доного! Да это же Доного!» – слышались возгласы с соседних балконов.

– Гей, абдал²⁸ Доного! – подхватили ребятишки, взвизгивая и присвистывая вслед идущим в обнимку пьяным кунакам.

Имени второго горца никто не произносил. По-видимому, он был не из Гимр.

– Неужели это мой отец? – прикрыв ладонью глаза, Шамиль сделал шаг назад.

---

²⁸ Абдал – умалишённый, глупец.

– Да, это Доного, – прошептал смущённый Магомед. И вдруг он увидел, как товарищ, рванувшись вперёд, прыгнул с крыши.

Магомед, растерянно всплеснув руками, чуть было не последовал за ним. У самого края балкона он отшатнулся, бросился к лестнице, слетел вниз и кинулся к Шамилю, того уже успели поднять с земли подоспевшие соседи. Губы его были синими. Блуждающим взглядом обвёл он людей и остановился на Магомед, тот воскликнул:

– Ты сошёл с ума!

К месту происшествия, оставив пьяных, бежали люди. Отстранив их, Шамиль метнулся к обрыву, где бурлила неугомонная река. Магомед – за ним. С трудом обогнав друга, он преградил тропу:

– Остановись!

Шамиль хотел обойти его. Тогда возмущённый Магомед, резко повернувшись, схватил его за руку. Шамиль вскрикнул, остановился. Лицо исказилось от боли. Только теперь заметил Магомед, что правая рука друга, за которую он схватился, как-то неестественно свисала. Она была переломлена в плече.

– Отпусти, – тихо сказал Шамиль, корчась от боли.

Магомед разжал цепкие пальцы. Шамиль подложил ладонь левой руки под локоть сломанной. Обернувшись, увидел людей. Впереди всех – тётушка Меседу. Она, сильно прихрамывая, сбегала как-то неловко, боком по крутой тропин-

ке, но так быстро, казалось, что лучшие бегуны не обогнали бы её. Подбежав к Шамилю, Меседу взвыла в отчаянии:

– Сын брата, ради Аллаха молю, не отнимай свет у моих глаз, не лишай меня радости видеть тебя. Нет у меня больше никого на свете. Клянусь небесами, я последую за тобой! – Она решительным движением указала в сторону пропасти.

Шамиль повернул обратно. Сопровождаемый тётушкой и другом, он шёл в аул, затем свернул к ущелью. Там виднелась небольшая сакля рядом с водяной мельницей, где жил дед Шамиля по матери Пирбудаг. Он был известен не только как мельник и пчеловод, но слыл умелым костоправом.

Солнце садилось, когда они подошли к одинокому домику с плоской крышей. Хозяин-старик возился возле ульев, жена его Хадижат готовила ужин. Услышав голоса, Пирбудаг устало разогнул спину, приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Мир тебе, отец! – приветствовал его Магомед.

– Добро пожаловать, с приездом, сын мой! Да будет посылать нам Аллах и впредь радости встреч! – Пирбудаг пожал руку гостя, затем стал расспрашивать о новостях в чужом краю.

– Особых нет, вот... – Магомед хотел сказать, чтобы дед помог внуку.

Но старушка Хадижат опередила его:

– Шамиль, что случилось? На тебе лица нет.

– Сломал руку, – ответила за него Меседу.

– О, Аллах! – сплеснув руками, воскликнула Хадижат. –

Да как же это случилось?

– Наверное, опять на скачках слетел с коня? – сказал Пирбудаг.

Все молчали. Старик засуетился.

– Заходите в дом, – сказал он с беспокойством. – Теперь помогите снять рубашку с него.

Меседу с Магомедом стали осторожно стягивать рукава. Старик сначала осмотрел, затем ощупал руку у места перелома.

– Счастье твоё, что кожа не прорвалась, – сказал он, покачивая головой.

Хадижат, верная помощница костоправа, проворно готовила месиво из муки и меда. Тут же в медном тазу над пылающим очагом она расплавил кусок воска и поднесла таз мужу.

Пирбудаг стал осторожно смазывать воском руку между плечевым и локтевым суставами. Когда остывающий воск превратился в мягкую муфту, Пирбудаг обернул слоем теста с мёдом место перелома. Вместо повязки поверх теста наложил кусок невыделанной кожи, которую туго обвязал веревкой.

– Ну вот, и слава Аллаху, – облегчённо вздохнул старик, принимаясь за мытьё рук.

Шамиль сидел спиной к стене, прикрыв глаза. Рядом опустился Магомед. Меседу суетилась в комнате, помогая старушке. Вымыв руки, дед тоже присел, спросил у Шамиля:

– Как же это ты не удержался в седле? – Старый костоправ не мог предположить иное. Почти все переломы, с которыми ему приходилось иметь дело, были следствием падения с коней, разгорячённых в бою или во время состязаний.

Шамиль промолчал. Тогда хозяин, оставив внука в покое, вновь обратился к гостю:

– Что слышно в Кюринском вилаете? Народ примирился со ставленниками царя?

Не успел Магомед ответить, как с улицы донеслись крики. Хадижат с Меседу вышли из комнаты.

– Что за крик? – встревожился Пирбудаг, поднимаясь с ковра. Он хотел было выйти из сакли, но дверь распахнулась, и он увидел свою дочь Баху с распущенными волосами. Конец её платка волочился по земле, в глазах застыл испуг. Через плечо отца Баху увидела Шамиля и сразу сникла, опустившись у порога.

– О владыка, я думала, с ним случилось страшное, – прошептала она.

Шамиль поднялся, подошёл к ней.

– Ну что ты, мама?

Баху подняла на сына глаза.

– Не дай Аллах мне пережить тебя! – воскликнула она.

У дверей толпились женщины-родственницы. Сестрёлка Патимат, впорхнув в саклю, кинулась к брату. Оглядев его с ног до головы, она остановила взгляд на перевязанной руке. Комната наполнялась близкими, прибежавшие из аула жен-

щины постепенно удалились, оставив одних мужчин, которые повели с Магомедом и Пирбудагом отвлечённый разговор.

Хадижат продолжала готовить ужин. Баху с дочерью тоже вернулись в аул.

Доного, раскинув руки, спал на овчинном тулупе, издавая богатырский храп. Баху, вбежав в саклю, со злостью толкнула его ногой в бок. Не открывая глаз, он перевернулся вниз лицом и продолжал храпеть. В комнате было темно. Женщина зажгла лампу и вновь, подойдя к мужу, поддала ему в бедро острым носком башмака, но уже более чувствительно. Доного встрепенулся, сел и, часто моргая покрасневшими глазами, стал озираться.

– Пьяный осёл, спишь преспокойно, чтоб тебя шайтаны на том свете в кипящем чане утопили!

– Ты что, с ума спятила? На мужа! – стал возмущаться Доного.

– Ах ты проклятый пьянчуга, глаза таращишь, чтоб они у тебя повылазили, бесстыжий бродяга!

– Замолчи! – грозно пробасил Доного.

– Ты ещё заставляешь меня молчать! Старый ишак, лучше бы ты не вернулся домой. Мне было бы легче, если бы поднесли папаху, наполненную твоими глупыми мозгами. Пусть бы лучше вражеские пули изрешетили грудь твою, когда ты возвращался из Шуры.

– Эй, глупая женщина, чего раскаркалась, как ворона? За-

молчи, или я убью тебя!

– Он убьёт меня, – с язвительной усмешкой сказала женщина. – Пропойца! Черное пятно позора! Лучше б твоя кожа превратилась в мешок, наполненный костями, чем на мизинце моего сына сломался ноготь!

– Я муж тебе или кто? – закричал Доного.

– Ты гяур, а не муж. Я сама зарежу тебя, как жертвенного барана, и буду смазывать твоим салом сапоги своему сыну, – пригрозила взбешенная жена.

Доного, сощутив глаза, посмотрел на супругу, которая была на голову выше его и сильнее физически. Решив, что сейчас с нею шутки плохи, он спросил:

– Где мой сын?

– Ты не достоин называться его отцом, – грубо ответила женщина.

– Это я не достоин? Родной отец? Кто же тогда достоин? Да он весь в меня. Клянусь Аллахом, из него получится прекрасный акробат, если он научился танцевать лезгинку на канате.

– Хватит с нас одного шута, дьявол бы тебя удавил...

Не обращая внимания на слова жены, Доного продолжал:

– Мой Шамиль – лучший бегун и пловец. Его как непревзойдённого джигита знают все койсубулинцы. Никто в Гимрах так ловко не владеет кинжалом и не стреляет так метко в цель.

В дверях показалась Патимат. Услышав слова отца, она

сказала:

– Ты не любишь Шамиля.

– Нет, я люблю его больше вас всех.

– Если бы любил, не напился бы, а ещё клятву давал ему, что пить не будешь.

– Давал, давал, но пришлось нарушить.

– А он из-за тебя бросился с...

– Да он лучший прыгун в селении, – не дав договорить дочери, продолжал Доного.

– Уйди, не разговаривай с ним! – крикнула Баху.

Когда девочка вышла, Баху схватила валявшийся у порога рваный чарык и запустила им в голову мужа.

– Блудница! – заревел Доного. Он попытался было встать на ноги, но, покачнувшись, снова упал на тулуп. – Ах ты, змея, я вырву твой ядовитый язык! – Ползая на четвереньках, он стал шарить вокруг себя. Наконец нащупал кинжал. Взявшись за рукоять, хотел было оголить лезвие.

Баху, подойдя к нему, вырвала оружие. Доного бросился на женгу. Женщина опрокинула его навзничь.

– Ах ты, кобыла!

– Вот тебе и кобыла, одним взмахом хвоста сбросила такого вонючего седока, как ты, – язвительно процедила Баху.

Хлопнув дверью, она вышла из комнаты...

Проснулся Доного поздно. Приподняв голову, оглядел комнату. Возле окна сидела дочь. Раскачивая глиняную миску из стороны в сторону, она сбивала масло.

– Патимат, почему не разбудила к утренней молитве? – спросил он.

– Мама не велела будить, сказала: «Пусть Аллах пошлёт ему непробудный сон!»

Доного пробормотал что-то невнятное, почесал затылок и вновь опустился на подушку. Глядя на бревенчатый пожелтевший потолок, он стал вспоминать всё, что произошло с ним вчера. Через некоторое время он вновь приподнялся, сел, опять обратился к дочери:

– Где моя одежда?

– Какая одежда? Ты вернулся из Шуры в чужой вшивой рвани. Мы выбросили всё во двор.

– Шамиля нет дома?

Патимат не ответила.

Доного, строго посмотрев на дочь, повторил вопрос.

– Нет его, он из-за тебя прыгнул с балкона, сломал руку.

Глава семьи побагровел, виновато мигая, переспросил:

– Сломал руку?

– Да, сломал. Ещё хотел броситься в пропасть, но, к счастью, Магомед с тётушкой Меседу удержали. Брат сказал маме, что больше никогда не вернётся в наш дом. – Видя растерянность отца, Патимат помолчала немного и добавила: – Из-за тебя, потому что вчера над тобой смеялся весь аул, даже дети. Неужели ты ничего не помнишь?

Доного молча встал, зашёл в кунацкую. Там на деревянных гвоздях, вбитых в стену, висела праздничная одежда.

Приодевшись, он направился к двери и столкнулся лицом к лицу с Магомедом.

– Асалам алейкум, Доного!

– Ваалейкум салам! Заходи, сын мой.

– Как здоровье, самочувствие? – спросил гость.

– Здоровье неплохое – Бог милует. Самочувствие неважное. Какие новости у тебя, Магомед?

– Нет особых. Собираешься уходить?

– На мельницу хотел пойти – к тестю.

– Не ходи, я только что оттуда.

– Что случилось, как он там?

– О случившемся тебе, наверное, известно, чувствует он себя плохо, жар был, и бредил ночью, к утру пришёл в сознание.

– Вот дурак, неужели из-за того, что я выпил, надо убивать себя... – В голосе Доного чувствовались тревога и волнение.

– Твой сын не дурак. Он молод и горяч, – возразил Магомед.

– Пойдём со мной, я объясню сыну, как всё получилось.

– Нет, не пойду, и тебе советую повременить.

– Как так, сын он мне или нет?

– Сын-то сын, но видеть тебя он не хочет. Пирбудаг послал меня предупредить, чтобы ты не приходил. Шамиль сказал, что, если ты придёшь туда, он встанет с постели и уйдёт навсегда в чужую сторону.

– Да, он это может сделать, – с грустью согласился Доно-

го, сел, поджал под себя ноги, печально склонил голову, задумался.

– Валлах, я не хотел нарушать клятву, – глянув на Магомеда, начал рассказывать Доного. – Целый год не пил, а тут, по-видимому, шайтан попутал. Сам знаешь, живём доходами от виноделия. Урожай винограда был хороший, много надавил, крепкое вино получилось. Потеплело, решил вывезти в Шуру продать. Там базары хорошие, солдат много, особенно старых отставников, здорово пьют. Приехал, поставил свои кувшины в винном ряду, осмотрелся вокруг, вижу: Мусалав чиркеевский недалеко от меня стоит, тоже торгует. Старый кунак мой, подошёл, поздоровались. Оказывается, он раньше меня приехал, продал своё, стал рядом, помог опорожнить мои кувшины. Мусалав немного говорит по-русски. Стал он кричать на весь базар, расхваливая мой чахир²⁹. Почти всё распродали.

Хорошая выручка, хорошее настроение. Собрался было я домой, а Мусалав говорит: «Оставь несколько мерок, зайдём в шашлычную, выпьем, закусим». Хорошо. Вылил я остаток в маленький кувшин, ишаков оставили на привязи. Харчевня на углу – напротив овощных рядов, хозяин-перс вкусные шашлыки готовит, на весь базар запах разносится. – Рассказчик проглотил слюну. – Зашли, сели. Поставил я кувшин на стол, налил кружку Мусалаву, свою пустую отодвинул. Кунак говорит:

---

²⁹ Чахир – вино.

– Ты что же себе не наливаешь?

– Не пью, – отвечаю.

– С каких это пор?

– С прошлого года.

– Ты мужчина или нет? – спрашивает Мусалав.

– Мужчина, но пить не буду, клятву дал сыну, нельзя нарушать, Аллахом и Кораном поклялся.

– Сыну, а я думал – мулле, кадию или джамаату³⁰, – рассмеялся кунак и добавил. – Строгий у тебя сын, рано начал управлять тобой.

– Он у меня учёный, – говорю, – шариат соблюдает, воспитал в себе крепкие мужские качества.

Кунак мой улыбнулся, ничего не сказал, поднял кружку, выпил.

---

³⁰ Джамаат – сельская община.

Захмелев, налил вторую и мою наполнил.

– Пей, – настаивает.

– Не буду.

– Пей, сын не узнает.

– Не могу, поклялся, боюсь Аллаха.

– Чепуха, – говорит, – клятву можно нарушить, искупить грех надо, я научу.

– Как? – спрашиваю.

– Очень просто: выйди на улицу, у дверей нищие стоят, сними всё с себя, раздай им.

– И голым остаться? – спрашиваю.

– Зачем, надень их рвань, они обменяются с большой радостью. За такую милостыню Бог все грехи простит.

Я подумал и решил сделать так, как сказал Мусалав. К тому же пить хотелось, сам знаешь, шашлык остренький, с лучком, перчиком, с водой не идёт.

Вышел, позвал нескольких старцев. Кому – шапку, кому – черкеску, рубаху, брюки, сапоги. Они в свою очередь набросали мне кучу барахла. Принарядился я таким образом, что даже хозяин-перс заморгал и попятился от меня, а Мусалав смеется, руки потирает. Поднял я кружку, словно струя райского источника, потекло вино по сухой глотке, никогда оно не казалось мне таким вкусным. Ну, думаю, напьюсь в последний раз. Пили-ели, ели-пили, осушили кувшин. Баклажку полную оставили на похмелье, сели на ослов, выехали. Ехали не спеша, с остановками, в пути допили остаток. Мусалав не поехал домой, решил навестить своего родственника в Гимрах. Вот так, в хорошем настроении и приехал я домой.

– Настроение у вас действительно было весёлое, – заметил Магомед.

– Ничего не поделаешь, душа иногда просит веселья, не так уж много радостей в нашей жизни, – ответил Доного.

– Нельзя ради собственного удовольствия причинять неприятности близким. Дело могло плохо кончиться, если бы не удержали сына твоего.

– Не думал я, что Шамиль узрит меня на улице в таком виде. Хотел объясниться, как было. Виноват я. Магомед, сходи к нему, расскажи то, что я тебе рассказал, пусть простит,

больше слова не нарушу.

– Надо повременить, рука заживёт, сам он успокоится, тогда и говорить будем.

– От людей стыдно, что скажут гимринцы, узнав, что сын отрёкся от меня. Сходи, пожалуйста, внутри все горит, иначе не выдержу – сам пойду.

– Отец, внутри у тебя от чахира горит, выпей кислого молока, и пройдёт, – вмешалась в разговор девочка.

Доного, строго посмотрев на дочь, сказал:

– Уходи отсюда, стыдно лезть девочке в разговор мужчин.

Патимат ушла.

– Сын мой, – вновь обратился к гостю хозяин, – исполни просьбу, пойми моё состояние.

– Хорошо, пойду, попытаюсь уговорить Шамиля. – Магомед поднялся.

– Я буду ждать тебя здесь, – сказал вслед Доного...

Через час-полтора друг Шамиля явился вновь.

Глянув на его скучное лицо, Доного понял, что ничего не вышло.

Усаживаясь рядом, Магомед сказал:

– Напрасно ходил. Шамиль отвернулся к стенке и за всё время, что я был там, не проронил ни слова. Дед просил не беспокоить его.

– Баху, наверное, там? – спросил Доного.

– Там, не отходит от сына.

В это время послышался призыв муэдзина³¹ к полуденной молитве.

– Пойдём в мечеть? – сказал Доного.

– Пойдём, – ответил Магомед, поднимаясь.

Около месяца проболел Шамиль. Многие гимринцы и кунаки из соседних аулов побывали за это время в доме мельника. Одни приходили выразить сочувствие, другие посмотреть на человека, чуть было не покончившего с собой из-за того, что отец выпил чахира.

Только Доного не смел прийти в дом тестя, где находился Шамиль. Он был убит горем, переживал, перестал выходить из дома, а потом слёг.

В поле, на виноградниках работала одна Баху. С мужем не разговаривала, не ухаживала за ним даже тогда, когда он заболел.

Много толков было в Гимрах по поводу ссоры сына с отцом. Большинство, особенно женщины, были на стороне Шамиля, осуждая Доного. Только некоторые старики не одобряли упрямство юноши, считая, что в любом случае сын должен уступить отцу.

Обеспокоенные родственники со стороны отца подняли на ноги аульских аксакалов. Доного обрадовался, когда в его дом пришли мулла и сельский староста с белобородыми старейшинами, чтобы воздействовать на упрямого сына Доного. Пирбудага предупредили о предстоящем приходе старей-

---

³¹ Муэдзин – служитель мечети.

шин, и Шамиль сразу догадался об их цели. Он понимал, что с уважаемыми представителями джамаата следует быть сдержаннее, чем с назойливыми родственниками. К тому же где-то в глубине души он жалел слабовольного отца и забеспокоился, когда сообщили о его болезни.

Разговор с Шамилем начал мулла:

– Молодой человек, ты во всех отношениях достоин признания, преуспеваешь в науках, соблюдаешь предписания Корана, но не считаешься с адатами³², утверждёнными в нашем обществе с давних времён.

Зная, о чём идет речь, Шамиль молчал. Мулла продолжал:

– Каков бы ни был родитель, сын, независимо от своего возраста и положения, обязан беспрекословно выполнять его волю...

– А если эта воля граничит с преступлением? – перебив муллу, спросил Шамиль.

---

³² Адат – традиционное (обычное) право.

Недовольно посмотрев на юношу, мулла ответил:

– За всякое преступление перед джамаатом и родом своим несёт ответственность тот, кто его совершил, независимо ни от чьей воли. Но речь не об этом. Я говорю о наших обычаях. Недопустимо, чтобы младший повелевал старшим. Уважающие себя и родительский дом сыновья без позволения отца не имеют права сесть рядом с ним в присутствии посторонних, а ты предъявляешь отцу требования. По-видимому, отцовский кнут недостаточно погулял по твоей спине...

– Для этого не бывало повода, – спокойно заметил Шамиль.

– Как бы там ни было, сегодня мы пришли не просить тебя, а заявить, что мы, главы общества и родовых союзов, не одобряем твоего поведения. Ты обязан помириться с отцом.

Если он будет вести себя неподобающим образом в нашем обществе или совершит проступок, ответственность за это он будет нести не перед тобой, а перед джамаатом согласно адату.

– Уважая ваш возраст и достоинства, я примирюсь с отцом, но при условии, что он больше никогда не возьмёт в рот хмельного. Не я это запрещаю, а Коран. В лице своего отца мне хочется видеть правоверного мусульманина. Пусть он даст слово при вас.

– Хорошо, позовите Доного, – приказал мулла.

Виновник всё это время беспокойно расхаживал у дверей сакли.

Когда вошёл отец, Шамиль почтительно встал. С минуту оба взволнованно глядели друг на друга, Доного первым виновато опустил глаза.

– Доного, садись сюда, – мулла указал место рядом с собой.

Шамиль продолжал стоять. Обратившись к Шамилю, мулла сказал:

– Всё, что было у нас на душе, мы излили, теперь подай отцу руку.

– И мне хочется излить ему то, что у меня на сердце, – сказал Шамиль. – Я повиновался тебе даже тогда, когда ты бывал неправ.

Доного кивнул головой.

– Ты давал слово и не сдержал, поклялся и нарушил клят-

ву, простите меня за этот упрек. – Шамиль обвёл взглядом сидящих, затем вновь обратился к отцу: – Если ты любишь меня как сына, хочешь, чтобы я называл тебя отцом, выполни следующие условия: первое – не пей запрещённых Пророком напитков до конца своих дней; второе – не занимайся больше виноделием.

– Но ведь мы тогда разоримся! – всплеснув руками, воскликнул Доного.

– Это мои условия, – спокойно повторил Шамиль и добавил: – Пьянство наносит большой вред людям, доходы, полученные за счёт разорения и несчастья других, не принесут и тебе добра. Тот же доход ты можешь получить, если будешь продавать винные ягоды в свежем или засушенном виде.

– Сын мой, вино идёт дороже, я дам тебе слово, что буду продавать его только гяурам.

– Не надо этого делать и по отношению к ним, ибо потерявшие рассудок опаснее здравомыслящих.

Старый мельник стоял перед мужем дочери, держа в руках пожелтевший Коран. Мулла и старейшины сидели в ожидании.

Доного уступил сыну. Возложив руку на Священное писание, он сказал:

– Клянусь великим Творцом, Пророком и этим Кораном, что отныне уст моих не коснётся влага, запрещённая Аллахом. Остатки вина в нашем погребе будут вылиты на землю.

Среди сидящих послышались возгласы одобрения.

Примирение состоялось, разговор казался окончанным. Но Шамиль, также прикоснувшись к Корану, произнёс:

– Клянусь откровением Всевышнего, Всемогущего, Вездесущего, что, если мой отец Доного ещё раз нарушит данное слово, я совершу великий грех, сразив себя остриём этого кинжала. – Шамиль указал взглядом на кисть руки, которая покоилась на рукоятке оружия, висящего на поясе. Затем, обратившись к отцу, добавил: – В ответе перед свидетелями и грозным судом Справедливого будешь ты.

В тот же день Доного, возвратившись домой, вынес из погреба все глиняные кувшины и вылил вино на улицу.

– Вах! – восклицали удивлённые соседи, с сожалением поглядывая на винные лужицы и ручейки, смешанные с навозной жижицей, вытекавшей из хлева.

За день до возвращения Шамиля домой состоялся совет родственников. Старейший рода – Ганафи, который приходился дядюшкой Доного, сказал:

– Твой сын в таком возрасте, когда кровь в жилах бродит, как молодое вино. Избыток сил и чувств не всегда повинуется голосу рассудка в такую пору, Шамиля необходимо женить.

– Он у меня с характером, своевольный, откровенно говоря, боюсь говорить ему об этом, да и невесту не подыскали.

– Что значит боишься? Глава ты в доме или тряпка у печи? – грубо упрекнул племянника старый Ганафи.

– Да ведь он почти не живёт дома, всё свободное время

отдаёт учёбе, – оправдывался Доного.

– Учёба тоже хороша в меру, плохо, когда дети образованнее своих родителей, отсюда неповиновение и неуважение исходят. Нечего спрашивать его желания, подберите девушку и жените без разговоров, – сказал Ганафи.

Присутствовавшая при этом тётушка Меседу недовольно глянув на него, возразила:

– Шамиль не тот бычок, которого можно запереть в хлеву с любой тёлкой. Мой племянник во всех отношениях лучший уздень среди гимринских юношей, невесту ему надо подобрать достойную.

– Не бабского ума это дело, дочь моя, оставь мужчин одних, – приказал Ганафи.

Меседу с недовольным видом вышла из кунацкой.

– О чём они там говорят? – спросила Баху, готовившая ужин.

– Сына твоего хотят женить.

– Пусть сначала твой брат приведёт его домой, а за женитьбой дело не станет, – недовольно бросила Баху, но тут же, переменив тон, более ласково сказала: – Дай нам Аллах возможность порадоваться внукам.

– Прежде чем думать о внуках, надо позаботиться о невесте, чтобы была из семьи хорошей и по красоте никому не уступала, – заметила золовка.

– Вся надежда на тебя, Меседу, лучшей свахи нам не найти, ты ведь любишь его больше всех остальных родственни-

ков, поищи, подумай.

– Сестра моя Баху, если бы ты знала, сколько я думаю об этом, и не один год... Ко всем гимринским девушкам при-
сматривалась со всех сторон, соседние сёла обошла, на од-
ной остановилась.

– Кто она?

– Унцукульская. Румяна, как восход, бела, как облака, лу-
чезарна, как луна, гибка, как виноградная лоза, стройна, как
тополёк, голос нежный и певучий.

– Меседу, ты восхваляешь девушку, как ашуг³³ дочь шаха
Аббаса, а нам, кроме красоты, и умение необходимо.

– Дорогая невестка, с этого конца я и начала, отправив-
шись на поиски. Патимат – так зовут ту, на которой я оста-
новила свой выбор. Хозяйка она умелая, хлеб испечёт – не
насытишься, суп сварит – оближешься, серпом поведёт – не
налюбуеться, коня оседлает – удивишься.

– Родителей знаешь?

– Отец её Абдул-Азиз, человек уважаемый в Унцукуле,
хмельных напитков не употребляет, кальян не курит.

– Это очень хорошо, а братья, сёстры есть?

– Есть, родственников много, род сильный, имущий.

– Шамилю говорила о ней?

– Нет, зачем же, вдруг откажут. Надо сначала самим пере-
говорить с родителями, послушать их и только после общего
согласия сообщить ему. И сделать так, чтобы он увидел её

---

³³ Ашуг – сказитель.

до свадьбы.

– А если Абдул-Азиз не захочет показать дочь жениху?

– Спрашивать его никто не будет. Положись на меня. Я всё сделаю, чтобы наш джигит увидел избранницу до женитьбы.

– Да поможет нам Аллах. Действуй. После того как получим согласие от Шамиля и её родителей, начнём и мы.

Как ни любила Меседу своего племянника, однако постаралась, чтобы сначала его увидела юная Патимат.

Еще в дни весеннего байрама, когда койсубулинские удалыцы проводят состязания в скачках на обширном майдане, Меседу уговорила родителей отпустить дочь на традиционное зрелище. Отец Патимат был близким кунаком покойного отца Меседу. Он сочувственно относился к трагичной судьбе мужественной женщины, с радостью принимал её у себя. Патимат любила добрую гимринку, которая с детства баловала её сладостями и фруктами. Вначале дочь не подзревала ничего, слушая разговоры о прекрасном гимринском юноше – любимом племяннике Меседу, лучше, красивее, умнее которого трудно было сыскать в Аварии. Но расхваливала Меседу Шамиля только тогда, когда оставалась наедине с Патимат, хотя иногда без стеснения и родителям расписывала непревзойдённые достоинства своего племянника.

В день скачек, подергивая за руку свою избранницу, Меседу шептала, показывая глазами на молодого всадника на сером коне:

– Посмотри, как он сидит на лошади, а стан какой тонкий, плечи – шириной в три локтя, нос, подбородок, губы словно выточены тонким резцом. Погляди вокруг, кто сравнится с ним?

– Да, тётя Меседу, твой племянник строен и красив. И конь у него лучше, чем у остальных. Ах, если бы он выиграл приз! – шептала девушка в ответ.

Об этом Меседу не говорила вслух, в душе она молила Аллаха о победе племянника ещё накануне, узнав, что Шамиль будет участвовать в конных состязаниях.

Сердце её дрогнуло и не переставало учащенно биться с той минуты, когда раздался залп пистолета и помчались десятки лучших скакунов, неся на себе лихих наездников.

Душа женщины замирала, дыхание её останавливалось, когда серый конь племянника скакал почти наравне с первым и никак не мог выйти вперёд.

Но, видимо, молитвы Меседу дошли до Аллаха. Сегодня как никогда ей хотелось, чтобы Шамиль обогнал всех. И он таки пришёл первым и получил живого барана, которого тут же принесли в жертву Аллаху.

Меседу отвела домой дочь кунака. Их сопровождали два «рыцаря» – младшие братья Патимат, они всецело были поглощены турниром и никакого внимания не обращали на сестру.

Одно дело предусмотрительной тётушкой Шамиля было сделано. Теперь оставались переговоры с родителями девушки, а уж потом и с женихом.

Абдул-Азиз не отказал Меседу выдать дочь за Шамиля, слух о самостоятельности, учёности и способностях которого дошёл и до Унцукуля. Во многом способствовал этому и Магомед, приходившийся дальним родственником Абдул-Азизу по матери. Он же, по просьбе родителей, первым предложил Шамилю жениться.

- Нет, рано ещё, я не изучил полностью основы мусульманского права, – возразил Шамиль.
- Женидьба не помешает тебе продолжать учёбу.
- Почему же в таком случае не женишься ты, будучи старше меня?
- Женюсь и я, каждому свой черёд уготовлен Всевышним.
- У тебя есть невеста?
- Здесь нет.
- Значит, есть в другом месте?
- Как тебе сказать, Шамиль? Мне кажется, почтенный шейх Ярагский выдал бы за меня свою дочь.

– О, это хорошая новость, которую ты скрывал от меня.

– Не скрывал, просто я ещё не решил.

– Она хороша собой?

– В юности все хороши, но она особенно. Если бы я был поэтом, непременно воспел бы её красоту.

– Она, наверное, не умеет говорить по-аварски?

– Откуда же лезгинке знать наш язык? Достаточно того, что я знаю тюркский, как и она, а если бы и не знали общего, не беда – любовь не нуждается в словах.

– А что такое любовь? – поинтересовался Шамиль.

– Ты имеешь в виду любовь к женщине?

– Да.

– Не знаю, как тебе объяснить это состояние.

– Но у меня нет этих чувств, я не встретил такую, которая взволновала бы душу мою, – сказал Шамиль.

Меседу вошла в саклю, она услышала последние слова племянника и, подмигнув Магомеду, сказала:

– Сын брата моего, я покажу тебе ту, которая может вызвать волнение в душе, хочешь?

– Ну, конечно же, я соглашусь, если этого хотят мои родители и друзья.

На другой день Шамиль с Магомедом в сопровождении тетушки Меседу отправились в Унцукуль.

Вначале в дом Абдул-Азиза вошли Меседу и Магомед. Гостеприимный хозяин занялся гостем в кунацкой. Хозяйка взялась за приготовление угощений. Гостьей занималась Патимат. Улучив момент, Меседу подошла к окну и условным знаком позвала Шамиля, «задержавшегося» на улице.

Молодой человек «по незнанию» оказался на женской половине дома. Смело шагнув через порог, он остановился у двери, глядя на растерянную девушку, которая, в свою очередь, окинув прищельца беглым взглядом с ног до головы, смущённо подняла руку, чтобы прикрыть лицо широким рукавом платья, из-под которого виднелись красные шаровары, украшенные золотистым галуном.

– Сын моего брата, тебя ждут не здесь, а в кунацкой, – сказала Меседу, уводя племянника из комнаты.

Девушка понравилась Шамилю. Осенью сыграли свадьбу. Под визгливые звуки зурны³⁴ и громкую дробь барабана унцукульскую красавицу Патимат привезли в дом Доного. Вторую зиму Шамиль тоже провёл дома, но теперь с удовольствием – возле молодой жены. Магомед после женитьбы друга вместе со своим товарищем Амир-ханом из Чиркея вновь отправился в Яраг к учителю. Но, к удивлению Шамиля, койсубулинские муталимы вернулись до наступления тепла.

Друзья встретились в мечети с Шамилем. После коротко-

---

³⁴ Зурна – духовой язычковый музыкальный инструмент.

го приветствия Шамиль спросил:

– Надолго?

– Наверное.

– Что-нибудь случилось?

– Чуть не случилась беда.

– С кем?

– С учителем.

Молодые люди, окончив молитву, не стали задерживаться в мечети. Шамиль поспешил домой, чтобы уединиться с Магомедом.

Обменявшись приветствиями с домочадцами, Магомед вошел в комнату, где ждал его Шамиль.

– Садись, рассказывай.

– Не знаю, с чего начать... После нашего благополучного прибытия в Яраг к учителю приехал из Кази-Кумуха устад Джамалуддин-Гусейн. Гостил он у светлейшего шейха два дня, а вскоре после его отъезда мы узнали, что хан Аслан-бек донес Ярмулу, будто бы учитель сеет смуту в округе. Ярмул приказал арестовать святого шейха и доставить в Тифлис. Старика схватили и повели, а мы, его верные ученики, последовали за ним. В Касумкенте светлейшего посадили под замок, а нам приказали убраться подобру-поздорову. Мы укрылись на заброшенном хуторе у дороги на Гуржистан, но в Касумкенте оставили своего наблюдателя. На заре он прискакал и сообщил, что светлейшего шейха повезут по этой дороге. Мы разделились на две группы и в двух местах устро-

или засаду. Везли шейха Гарун-бек с несколькими нукерами. Мы с волнением ждали их приближения, но все случилось так, как мы задумали. Шейха мы освободили, а пленных – Гарун-бека и нукеров – связали и оставили у дороги. Решили не убивать. Нам помогали освобождать святого старца жителя из Кураха. Указав нам дорогу на Табасаран, добрые люди вернулись к своим очагам. Да будет мир и благословение Аллаха над их головами!

– А где сейчас ярагский праведник? – спросил Шамиль.

– Он в Табасаране. Туда же надежные люди доставили и его семью.

– Не грозит ли ему опасность?

– Можно с уверенностью сказать, что нет. Власть Асланбека на табасаранцев не распространяется. Да они скорее сложат головы, чем выдадут святого старца Ярмулу.

– Хвала Аллаху – владетелю миров, сохраняющему в умах рабов своих преданность вере, стойкость и мужество! – воскликнул Шамиль. Помолчав немного, сказал с сожалением:

– Напрасно мы весной прошлого года не съездили в Кази-Кумух, к учителю нашему, устаду Джамалуддину-Гусейну. Надо это сделать теперь.

– К нему мы обязательно съездим, только не в Кази-Кумух, – сказал Магомед.

– Куда же?

– В Цудахар.

– Вызовем его специально для встречи?

– Нет, встретимся в том доме, где он теперь живёт.

– Магомед, что означают твои слова?

– Я не успел сообщить тебе еще одну новость. В Табасаране мы узнали о ссоре, которая произошла между ханом Аслан-беком и его везирем – Джамалуддином-Гусейном.

– Из-за чего?

– Из-за ярагского праведника. Оказывается, секретарь владыки Кази-Кумухского и Кюринского вилаетов упрекнул Аслан-бека, зачем тот ударил святого старца. Между ханом и везирем произошла крупная ссора. Возмущенный хан грозил устату тюрьмой. Везирь Джамалуддин-Гусейн отправился в мечеть, где молился всю ночь, а на заре вместе с семейством в сопровождении близких уехал в Цудахар.

– О, великий Аллах! За что ты лишаешь мира и покоя лучших рабов твоих? – прошептал Шамиль. Затем, взглянув на Магомеда, с тревогой в голосе сказал:

– Цудахар находится в нескольких верстах от Кази-Кумуха. Устад рискует, оставаясь там.

– Аслан-бек слишком хорошо знает, что такое Цудахар в вольном союзе даргинских обществ. И вряд ли он осмелится с оголённым оружием перешагнуть черту, разделяющую земли Цудахара и Кази-Кумуха.

– Теперь, не откладывая, мы должны поехать к устату, чтобы выразить сочувствие, преданность и предложить помощь в случае нужды, как подобает бывшим ученикам, – сказал Шамиль.

– Поедем обязательно. К тому же я должен отвезти ему письмо от ярагского праведника. С нами поедет Амир-хан. По дороге заедем в Гоцатль за Гамзат-беком.

– За Гамзат-беком? – с удивлением спросил Шамиль.

– Да, так посоветовал шейх и письмо Гамзату написал.

– Учитель считает, что можно доверять отпрыску хунзахских нуцалов?

– Ты забываешь, что он чайка³⁵. Его мать была простая женщина, за что он всю жизнь и терпит неприязнь со стороны чистокровных родственников ханского происхождения. К тому же чанка Гамзат находится в непримиримой вражде с хунзахской ханшей. А ханство Аварское, как тебе известно, является камнем преткновения для наших вольных обществ, с тех пор как наследники нуцалов, потеряв независимость, силу и мощь, продались русскому царю за золото.

Через день, на восходе солнца, три конника, закутавшись в бурки, ехали по дороге, ведущей в Гоцатль.

Гамзат-бек накануне был извещен о предстоящей поездке в Цудахар. Магомед, Шамиль и Амир-хан не раз бывали в Гоцатле. Потому, не сдерживая торопливых коней, направились к одному из видных домов, расположенных в центре аула.

Хозяин встретил их у ворот. Средних лет, высокого роста смуглолицый человек, шагнув навстречу, протянул руку го-

---

³⁵ Чанка – безотцовщина.

стям. Трое слуг приняли поводья коней. Дом Гамзата был небогат, но влиятелен. Отец его Алискендер-бек был известен в Аварии смелыми набегами на Кахетию. Прославился и в Чечне. Со своим отрядом Алискендер-бек примкнул к мятежным силам шейха Мансура, поднявшегося против царских завоевателей. Гоцатлинскому беку удалось избежать расправы. Он вернулся в родной аул. Сыну Гамзату Алискендер-бек дал хорошее образование. Восемилетнего мальчика отправил в Чох – к известному ученому-арабисту Махачу-эфенди. Двенадцать лет учился Гамзат, из них четыре года у муллы Нура Хунзахского. Он изучил арабский язык, философию, теологию, мусульманское право. После окончания учёбы Гамзат вернулся в Гоцатль, женился и стал исполнять должность помощника кадия.

Правительницей Хунзахского ханства после смерти мужа стала Баху-бике. Напуганная действиями Ермолова, ханша покорила русскому наместнику, чем вызвала недовольство соплеменников. Чтобы упрочить свою власть, по совету близких, Баху-бике решила отправить в Тифлис делегацию, дабы обсудить вопрос о денежной помощи. Возглавлял посланцев старший сын ханши – шестнадцатилетний Абу-Нуцал. В числе делегированных был и Гамзат-бек Гоцатлинский. В Тифлисе хунзахскую делегацию арестовали. Однако старшего сына ханши сразу освободили, а Гамзат-бека отпустили только благодаря вмешательству Аслан-бека Кюра-Казикумухского. Последний убедил Гамзата, что аресту он был

подвергнут чуть ли не по указу коварной ханши Баху-бике.

На самом же деле Аслан-бек был зол на хунзахскую правительницу за то, что та отказала ему в руке дочери, выдав её за сына шамхала Тарковского. Гамзат-бек затаил зло на русского наместника и хунзахскую ханшу. С Магомедом и Шамилём Гамзат-бек был знаком по совместной учебе у муллы Нура Хунзахского. Прочитав письмо шейха Ярагского, Гамзат-бек сказал:

– Я сделаю всё зависящее от меня.

Ночь гости провели в Гоцатле. Утром вместе с Гамзат-беком они выехали из села. По мосту через Койсу переехали на другой берег и направились вдоль русла вверх к Кулпе.

Над дорогой громоздились причудливые скалы. Однообразный шум реки печальным напевом замирал где-то вдали. Величавая мрачность каменных громад местами смягчалась изумрудными островками пробивающейся травы и жалкими саклями одиноких хуторов. Но вот показались небольшие низины и пологие склоны гор, на которых зеленели фруктовые сады, а над ними, на вершинах скал, как большая крепость, возвышался старый Цудахар с высокими стрельчатыми минаретами. Только одна старая мечеть была расположена внизу, у подножия, где по четвергам на площади шумели базары.

Четыре всадника не спеша поднимались к аулу.

– Асалам алейкум, – обратился Магомед к сидящим на годекане мужчинам.

– Ваалейкум салам, – ответили ему, с почтением поднимаясь с мест.

– Не укажете ли дом, в котором живёт переехавший из Кази-Кумуха уstad Джамалуддин-Гусейн?

– Почему же нет, не только укажем, но и подведём к нему, – любезно ответил седобородый даргинец и, глянув на сидящего с краю молодого человека, сказал: – Покажи двор Аслан-кадия.

Молодой человек быстро пошёл вверх по узкой улочке. Указав пальцем на высокие ворота с железными кольцами под красивой аркой из белого тёсаного камня, парень сказал:

– Это дом Аслан-кадия, здесь и живёт казикумухский учё-

ный.

Человек кадия, стоявший у ворот, услышав имя хозяина, вмиг распахнул их, пропустил приезжих. Навстречу гостям выбежали сыновья хозяина, взяли коней под уздцы.

В просторной, убранной коврами кунацкой сидели двое. Когда гости вошли, они поднялись. Первым шагнул навстречу высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, с приятными тонкими чертами бледного лица, на котором выделялись длинная борода с проседью и тёмные грустные глаза. Белая чалма, повязанная поверх высокой папахи, делала его ещё выше рядом с плотным, коренастым, румяным Аслан-кадием.

– Дети мои! Хвала Всевышнему, дарующему радость встречи! – воскликнул бледнолицый. Это был уstad Джама-луддин-Гусейн.

После рукопожатий хозяин усадил гостей на ковре.

– В прошлом году мы собирались навестить тебя в Кази-Кумухе, но, как видишь, Аллаху было угодно свести нас здесь, – сказал Магомед.

– Мир изменчив, никто не знает, что ждёт его завтра – сума нищего или пост правителя, – с улыбкой ответил уstad.

– Испытание от владыки миров. Испытуемый не будет оставлен без крова. Мой дом считай своей крепостью, – с почтением обратился Аслан-кадий к уstadу.

– Благодарю. Я узнал вас, друзья и ученики мои, ибо храбрые познаются в битве, надёжные – в займе и уплате, дети –

в беде, друзья – в несчастье, – сказал Джамалуддин-Гусейн.

Кунацкая кадия постепенно наполнялась людьми. Сюда шли родственники, почтенные и богатые люди, считавшие своим долгом навестить приезжих, узнать, какие вести они привезли. Во дворе суетились хозяйка, слуги. Тут же разделявали тушу зарезанного барана.

Поздно ночью, после ухода гостей, устад остался наедине со своими учениками. Магомед передал ему письмо от шейха Ярагского. Прочитав его, устад обратился к Магомеду:

– Поступай так, как говорит святой старец, мы все будем способствовать успеху дела.

– Джамалуддин-эфенди, – сказал Гамзат-бек, – лично от себя хочу предложить тебе помощь, я ведь знаю, что некоторые из тебе подвластных жили гораздо богаче тебя, теперь ты и вовсе лишён средств к существованию.

– Спасибо, сын хорошего отца! Пока что у меня есть немного денег. Я привык удовлетворяться малым, помня, что тот, кто не удовлетворяется хлебом насущным, чья душа устремляется к благам избыточным, всегда в опасности.

Шамиль с нескрываемым восхищением слушал любимого учителя. Уловив его взгляд, устад заметил:

– Самый младший из моих мюридов³⁶ в течение вечера не обронил ни слова...

---

³⁶ Мюрид – последователь, воин, глубоко преданный своему имаму

Шейх Джамалуддин Казикумухский

– Почтенный алим, я не мог этого сделать, ибо здесь не было ни одного человека, которого можно было бы опередить, не посчитавшись с авторитетом.

– Твои знания и одарённость дают тебе исключительное право говорить на равных с самыми возвышенными. Я был очень огорчен, сын мой, узнав о неприятности, следствием которой явилась твоя болезнь.

– Эта неприятность слишком незначительна по сравнению с той, которая постигла наших учителей и омрачила души верных учеников и последователей, – ответил Шамиль.

– Не будем роптать на Аллаха, всё от него и к нему возвратимся, – произнес устэд.

– Джамалуддин-эфенди, – вновь обратился к устэду Гамзат, – я прибыл сюда с намерением получить твоё согласие и отправиться к Аслану в Кази-Кумух, чтобы, переговорив с ним как бек с беком, потребовать твоё движимое и недвижимое имущество.

– Брат мой Гамзат, не порть отношения с Асланбеком, всё же он помог тебе освободиться из заключения. Обо мне не беспокойся. Благополучие человека не всегда зависит от материального состояния. Это не главное в жизни. Пусть будет так, как суждено.

– Нам хотелось бы, послав Гамзата в Кумух, кроме всего прочего, поставить в известность зарвавшегося правителя, что за твоей спиной есть те, которые не зависят от его воли, и чтоб впредь он не смел оскорблять или унижать твоё достоинство, – заметил Шамиль и добавил: – Один из мудрецов писал: «Деревья, обрубленные топором, растут, мясо и кости, иссеченные мечом, оправляются, но раны, нанесённые языком, не заживают». Разреши Гамзату поговорить с ханом.

– Прошу, оставьте это намерение. Хан был вправе обижаться на меня. Обиды мне особой он не нанёс, только ска-

зал: «Нечестивый друг и помощник подобен змее, которая платит укусом даже тогда, когда её ласкают». Я ответил ему, что, если змея кусает его, она поступает правильно и что худшим из правителей является тот, кого боятся. Тогда Аслан-бек сказал: «Страх, внушённый волей правителя, может возыметь большую силу, нежели благосклонность, которая зависит от воли подчинённых». – «Власть, как и жизнь, даётся временно. Есть многое, что может разрушить её», – возразил я. Хан молчал. Тогда я добавил: «Правителю не подобает презирать доблести человека, хотя бы незначительного по сану, ибо даже ничтожный может стать великим и почитаемым». Знание восточной мудрости помогло мне победить в споре. «Лучше уйди», – сказал хан. Я этого и ждал. Утром вместе с семейством покинул Кумух. Когда мы ступили на цудахарскую землю, жена моя показала кисет, наполненный золотом. «Это дала нам благородная ханша Гульсумбике», – сказала она. Мы решили никому не говорить об этом, чтобы не возбудить гнев в сердце Аслан-бека. Поэтому требовать наше имущество не следует.

В заключение устэд Джамалуддин-Гусейн сказал:

– Мы соберём в Аварии большой совет учёных, на котором обсудим то, что предлагает светлейший шейх, но прежде следует перевезти учителя вместе с семейством поближе, в Чиркей или Унцукуль.

Глава вторая

Магомед с чиркеевским Амир-ханом через несколько дней после возвращения из Кулпы отправились в Табасаран. Эта маленькая страна расположена на вершине южных предгорий Дагестана, недалеко от Дербента. Правил ею когда-то майсум³⁷, после него – кадий. Дорога шла меж однообразных плешивых бурых холмов, с вершин которых была видна бесконечно далёкая, сливающаяся с небом синева Каспия.

Но чем выше поднимались путники, тем чаще стали попадаться кустарники и ярче казаться зелень. Вскоре серая лента дороги повернула за гору и затерялась в густых зарослях векового леса. Далеко протянулась просека, путаясь в дремучих дебрях. Сыро и мрачно в лесу. Беспokoйно шуршат сухие листья под копытами коней. Наконец показалась пологая лощина, по дну которой, весело журча, бежала речка. Лес стал редеть, за лоскутами изумрудных лужаек показались сады и белые сакли Табасарана.

---

³⁷ Майсум – феодал.

Ярагский шейх вышел навстречу ученикам. Он обнял их, говоря:

– Хвала Аллаху создающему людей, непоколебимых в вере, преданных, совесть которых чище снегов Шах-Дага и Базар-Дюзи.

Табасаранцы, узнав о цели приезда койсубулинских узденей, огорчились. С тех пор как в их ауле нашёл убежище святой старец, к ним потянулись из окрестных аулов сотни ходоков за советами и любопытства ради. Значительно увеличились пожертвования, выделяемые для мечетей.

Несмотря на тёплый приём, участие и гарантии безопасности, оставаться в Табасаране шейх не мог. Он спешил превратить в жизнь свои планы. Не задумываясь, ярагский шейх покинул Табасаран.

Ему была приготовлена в Унцукуле сакля, похожая на орлиное гнездо. Здесь ждали учителя тариката новые ученики и последователи, независимые и гордые.

Пышную встречу организовали известному шейху кадии, муллы и знатные уздени Койсубу. Со дня его приезда к Ансатлю, как совсем недавно к Табасарану, потянулись верные мусульмане с думами, чаяниями, жаждущие истины и знаний. Особенно в четверг, после базара, все двери унцукульских саклей гостеприимно распахивались для кунаков, желавших в пятницу послушать проповеди светлейшего шейха. На очарах негде было присесть. Толпы разнаряженных

людей расхаживали по улицам, как в праздничные дни. Возле каждого дома у коновязей переступала, дожидаясь хозяйина, не одна лошадь. Никогда в Унцукуле не бывало такого оживления. Негде было ступить в соборной мечети в часы молитв. Лучшие места у кафедры отводились для знатных гостей – учёных и чалмоносных хаджи, совершивших паломничество к святыням ислама-Мекку и Медину. Духовные и светские главы свободных обществ Аварии не отходили от шейха. Его приглашали для чтения проповедей в другие аулы. Шейх не отказывался и непременно брал с собой верного ученика Магомеда. В один из четвергов, после того как разошлись торговцы, менялы и покупатели с базарной площади, до позднего вечера не прекращался поток едущих в Унцукуль. Здесь созывался съезд учёных, духовенства и старейшин койсубулинских и других вольных обществ.

Магомед представлял учителю молодых сверстников, умудрённых знаниями:

– Кебед-Магома Телетлинский, Галбац-Дибир Каратинский, Омар из Анкратля, Абакар из Агвали, Газияв из Анди...

Прибыл на съезд из Цудахара и уstad Джамалуддин-Гусейн в сопровождении Аслан-кадия.

Гамзат-бек из Гоцатля пригнал сотню овец для пожертвования служителям мусульманских храмов и делегатам.

В этот день пять раз, после каждой молитвы, выступал с проповедью уstad Джамалуддин-Гусейн Казикумухский.

Среди мёртвой тишины огромного здания его слова звучали как торжественный гимн, перерываемый периодически громкими возгласами: «Ла-илаха-иллалах!» («Нет Бога, кроме Аллаха!»)

Ночью, когда была окончена молитва и прочитана последняя проповедь, на кафедру поднялся маленького роста старичок, в длинном белом халате и огромной чалме. Корот-

кие тонкие пальцы его с окрашенными хной ногтями заметно дрожали, поглаживая седые пряди бороды. Только узкие желтовато-коричневые глаза из-под полуприкрытых век смотрели спокойно. Это был шейх Мухаммед Ярагский.

Держа обе руки перед собой, обратив взоры к потолку, он прошептал:

– Бисмиллахи рахмани, рахим («Во имя Аллаха милостивого, милосердного»). Да поможет Аллах всем, кто следует по верному пути. Мир посланникам и хвала владельцу миров. Амин!

– Амин! – гулом откликнулась толпа стоящая на коленях.

– Пойдёмте вперед, проповедуя в пути шариат, указывая колеблющимся и заблуждающимся на их нестойкость, – продолжил ярагский учитель тариката свою речь. – Судьбы стран и народов зависят от тех, кто правит, в чьи руки попадут законы. В Коране лежат законы шариата, которые служат основанием ислама. Мы должны не только почитать эти законы, но и упрочить их в своём вилаете, давая отпор тем, кто посягает на святая святых. Не сомневайтесь в преимуществе и успехе. Люди истины не должны забывать, что простые смертные, имея даже незначительные понятия о цели, могут делать большие дела, когда увидят, что тот, кто ведёт их, сам делает то, что требует от других. Правитель должен жить жизнью народа, преуспевая в труде и в даровании благ и свобод. Те, кто пребывает в неволе, больше ценят и возвращают добром тем, кто дарует им свободу. Наша мечта –

создать великую силу, способную противостоять гяурам. Да поможет нам Аллах в этом!

– Амин! Амин! – вновь послышались дружные возгласы в тишине храма.

Шейх Мухаммед Ярагский, откашлявшись, вновь заговорил:

– Но прежде чем начать сплачивание жаждущих истины, необходимо избрать имама³⁸. Он должен быть ученым, сильным телом и духом и почитаемым народом. Есть такой человек, который достойно будет нести до конца зелёное знамя Пророка. Он уже принял ахд³⁹. По воле Всевышнего он был назван именем посланника. Сын мой, подойди ко мне. – Шейх обратился к человеку, сидящему впереди с низко склоненной головой.

На него обратили взгляды все присутствующие. Человек поднял голову. Многие узнали в нём Магомеда Гимринского.

– Иди, да поможет тебе Аллах, – шепнул сидевший рядом Шамиль.

Магомед поднялся, подошёл к шейху.

– С этого часа к имени твоему будет прибавлено слово «гази»⁴⁰, – сказал ярагский проповедник. Затем он повернулся, подошёл к стене, снял с гвоздя саблю и со словами

---

³⁸ Имам – духовный предводитель, глава исламского государства на Кавказе.

³⁹ Ахдтарикатский обет.

⁴⁰ Гази – воитель за веру.

«Бисмиллахи рахмани, рахим», которыми начал свою речь, опоясал Гази-Магомед.

Учёные, побывавшие в столице Турции, знали, что таким образом «коронуют» султанов в мечети Эйюба в Стамбуле.

– Именем Пророка повелеваю: иди, собери народ, вооружи его и с помощью Аллаха начинай газават!

– Газават! Газават! – раздалось восклицания среди сидящих.

Устад Джамалуддин-Гусейн Казикумухский поднялся с ковра, подошёл к Гази-Магомеду.

– Да прославится имя твоё! – сказал он, положив руки на плечи ученика.

– Амин! Амин! – раздалось вокруг.

Когда народ умолк, Гази-Магомед сказал:

– Благодарю вас, мусульмане! Все собравшиеся здесь – люди, возвышенные надо мной в знании наук и жизни, мои учителя и наставники, заботящиеся о судьбе чистой религии и народа. Как вы, так и я отныне буду неустанно изыскивать своим умом пути к упрочению шариата и очищению земли нашей от неверных и отступников. Быть тому, что Аллах желает, а то, чего он не желает, не будет!

– Во имя газавата! – воскликнул молодой мюршид⁴¹, извлекая лезвие сабли из ножен.

– Во имя газавата! – хором повторили правоверные. Они тоже оголили лезвия сабель.

---

⁴¹ Мюршид – руководитель, наставник, проповедник.

– Ла-илаха-иллалах! Ла-илаха-иллалах! – стал восклицать ярагский шейх.

– Ла-илаха-иллалах! – стали повторять хором все, кто был в мечети.

Эти возгласы напевным гулом с нарастающей силой торжественно звучали под сводами квадратного здания, раздвигая стены, множа голоса.

Весть об избрании имама разнеслась быстрее ветра по всем аулам Койсубу, всюду шёпотом и громогласно производилось заклинание – «Ла-илаха-иллалах!».

Но делегаты съезда разъехались не сразу после возведения Гази-Магомед в сан имама.

На заре следующего дня унцукульская Джума-мечеть вновь наполнилась народом. Шейх Ярагский вновь поднялся на кафедру.

– Слава Аллаху великому, превышающему все ожидания! – начал он. – Аллах сказал через Пророка: «Сражайтесь на пути верном с теми, кто сражается с вами. Но будьте справедливы, потому что Аллах не любит несправедливых». Отныне мы будем преследовать неверных там, где их настигнем. Изгоним их оттуда, откуда они изгоняют нас. Не поводырем для ослепших, а предводителем прозревших будет наш избранник-имам Гази-Магомед. Слушайте его, следуйте за ним! Разделяйте его мечты и душевные желания, начинайте газават! Нас окружают со всех сторон, сбивая слабых с пути истинного. Царь России грозит нам, подкупая вождей

племён и колеблющихся мусульман. Воспротивимся этому, станем на защиту своей родины. наших северных соседей из года в год оттесняют с плодородных земель к бесплодным вершинам гор. Этим Белый царь лишает нас хлеба и зимних пастбищ. А те, кто покорились царю, обнищали и стонут от непосильного труда и непомерных податей. Малейшее их неповиновение властям или несвоевременная уплата податей ведут к жестоким наказаниям, позорному унижению и разорению имущества. Избавление можно найти в газавате!

Шейх Ярагский был наделён мягким баритоном, блестящим красноречием и необычайной притягательной силой.

– Есть у нас и второй враг, внутренний, а потому не менее опасный, – продолжал он. – Ханы, шамхалы, майсумы. Они продались неверным во имя сохранения прав и привилегий. Более опасными я их называю потому, что они, зная особенности страны, сильные и слабые стороны, нравы, обычаи, владея местными языками, могут соперничать с нами и противостоят нам вместе с силой и оружием гяуров. Но нет силы, превышающей силу Аллаха и тех, кто следует по его пути. Поднимайтесь! Поднимайте всех, кто стоит рядом и способен нести разящий меч! На газават!

– На газават! – повторили прихожане.

В эти дни по всем дорогам и тропам ручьями стекались к Унцукулю горцы из ближайших и отдалённых аулов.

Муллы, кадии и сельские старшины обществ, свободных от власти местных владык и царского наместничества, напе-

ребой уговаривали ярагского шейха посетить их мечети, выступить перед их соплеменниками. Шейх обещал уважить просьбы, хотя и без того заранее решил объехать самые крупные аулы, чтобы мобилизовать людей в отряды молодого мюршида, которого благословил на ратные дела.

Но ярагский шейх считал, что одних проповедей с призывами к священной войне мало. На сознание людей нужно было воздействовать повседневно и разными способами. Один из таких он видел в письменных воззваниях, обращённых к народу. В Унцукуль для этой цели были собраны все грамотные люди. Сюда были доставлены пачки чистой бумаги, флаконы с чернилами, гусиные перья. Лучшие каллиграфы старательно выводили арабской вязью аварские, даргинские, лакские, кумыкские слова воззвания, составленного шейхом Ярагским и устатом Джамалуддином-Гусейном Казикумухским.

Первый друг имама Гази-Магомеда Шамиль был признан лучшим писарем.

Воззвание было такого содержания:

«Мусульмане! Жизнь земная не есть постоянное место пребывания человека. Она только указатель стези, ведущей путника к небесным высотам, к Аллаху, ибо только ему известно, кто пришёл в этот мир и кто покинул его.

Не думаете ли вы, что павшие на войне есть мертвы? Нет! Они воистину живы перед Аллахом! Обитают и блаженствуют в раю! Принимающие участие в войне за Бога и веру – да

не убоятся они ни боли, ни страданий, ибо они есть избранные Всевышнего!

Да свершит Владыка свой суд над упорствующими и придерживающимися обычаев, противных истинным законам.

Тот, кто желает спасти свою душу от вечных мук, будет усердно следовать требованиям шариата.

Начинайте войну с неверными, не щадя ни жизнью, ни имущества. Кто оставит дом свой и не пожалеет жизни, по примеру Пророка, и удалится от мест угнетения или умрёт на пути своём, того за труды и послушание Аллах не оставит без наград.

Так спешите же, мусульмане, под знамя святой веры!

Спасайте же себя, своё Отечество и религию от неверных!»

Сразу же после окончания съезда имам Гази-Магомед со старым учителем шейхом Ярагским, с юным другом Шамилём Гимринским и другими приближенными стал объезжать дагестанские аулы, неподвластные ханам и царским наместникам.

В каждом селении они создали надёжную опору из представителей духовенства и выборных старшин, поставленных во главе собираемого ополчения.

С минаретов всё чаще и чаще звучали призывы к газавату.

Мятежный дух начал витать над мирными аулами Аварии. Мрачные думы теснились в народе. Призывные речи шейха, имама, их сторонников будили в горячих сердцах воинствен-

ный пыл, страсть уничтожения зла и пороков.

Но были те, кто не хотел проливать ничьей крови. Были и те, кто подобен в своём безразличии угрюмым скалам, и не хотели ничего знать, кроме привычного ритма, неизменного покоя. Нашлись и такие, которые готовы были стать поперёк начавшегося движения во имя сохранения адатов, утверждённых предками. Такие не хотели перемен, с тревогой прислушивались к первым толчкам мюридизма⁴², основанного на законах ислама и грозящего потрясти привычные устои.

– Пора от слов перейти к делу, – сказал, наконец, ярагский шейх молодому имаму Были названы предводители будущего ополчения, которых вместе со старейшинами, муллами, кадиями пригласили снова в Унцукуль, но теперь на военный совет.

Это были молодые учёные-уздени, лучшие джигиты, способные увлечь людей на славные подвиги. Гамзат-бек Гочатлинский, Амир-хан Чиркеевский, Омар Анкратлинский, Али-Султан Унцукульский, шейх Шабан Белоканский, Аслан-кадий Цудахарский, мулла Ахмед Табасаранский и многие другие. Этим людям, утверждавшим шариат в своих селениях, было приказано к определённому сроку закончить мобилизацию сил и явиться по первому зову имама Гази-Магомеда на сборный пункт.

Совет старшин наметил план действий. Этот план должны

---

⁴² Мюридизм – религиозно-политическое учение.

были обсудить на военном совете.

Его представил имам Гази-Магомед.

– Поистине успехи будут сопутствовать тем, кто взялся за оружие! Койсубулинцы, андалальцы, гумбетовцы уже готовы к выступлению. Каждые три дома выставляют вооруженного воина с конем и провизией на десять дней. Место сбора – Чумескент. Действия будут начаты в двух направлениях. Первый отряд поведу я на шамхальство Тарковское, княжества Аксаевское и Эндери, чтобы привести к покорности кумыков, а также изгнать гяуров из крепостей, расположенных в этих вилаетах. Второй отряд во главе с Гамзат-беком и шейхом Шабаном пойдёт в направлении Джаро-Белокан, чтобы поднять всё тамошнее население против военных чиновников, поставленных наместником. Отряд Гамзата отрежет пути сношения хана Кюра-Казикумухского Аслан-бека со штабом гяуров, расположенном в Тифлисе.

Когда имам Гази-Магомед окончил, ярагский шейх обратился к присутствующим:

– Мусульмане, усомнился ли кто-либо в успехе того, что мы хотим осуществить?

– Нет, – ответили многие.

Только Шамиль не поднял глаз. Устад Джамалуддин-Гусейн, обратив внимание на бывшего ученика, заметил:

– Сын мой, ты безразличен к тому, что доложили, или не согласен с изложенным?

Шамиль ответил:

– Я внимательно слушал то, о чём говорил Гази-Магомед. Мне хотелось склониться в сторону намеченного и согласиться со всеми, но некий голос во мне начинает противиться. Натянув узду, я стараюсь удержать язык за зубами, ибо мой возраст моложе и знания скуднее всех тех, кто собрался здесь.

– Не всегда в молчании есть благоразумие, как иногда нет пользы в молчаливом согласии тех, с кем советуемся... Поведай нам, о чём говорит голос, протестующий в душе твоей.

– Мне думается, – начал Шамиль, – не следует начинать дело с наружных концов. Зачем идти за Кумыкскую плоскость и отдалённую землю Джаро-Белокан, оставляя позади себя владения врагов-отступников? Вы знаете, что Авария, простирающаяся от южной подошвы Койсубулинского хребта по долине Аварского Койсу, от устья Андийского Койсу до устья Казикумухского Койсу, разделена на зависимые и вольные общества. Рядом с нами – владения хана Мехтулинского, выше – резиденция хунзахских ханов. Южнее – Кюра и Кази-кумухское ханства. Ниже – шамхальство и княжества кумыков. Не лучше ли было бы предотвратить сначала возможные удары в спины наши, умножить ряды за счёт освобожденных от зависимости и тогда, не оборачиваясь назад, идти вниз – на плоскость?

– Сын мой, – сказал в ответ ярагский шейх. – Слова твои не лишены смысла, однако целесообразнее сначала идти вниз.

– Почему? – спросил Шамиль.

– А вот почему. Когда мы покажем себя в деле с гяурами и с теми, кто переметнулся на их сторону, оставшиеся подумают и, возможно, с большей уверенностью и большим числом перейдут к нам. Если же мы начнём наступление на близлежащие Мехтулинское и Хунзахское ханства, неизбежные схватки приведут к возникновению вражды между народами. Причём кровники будут мстить нам до конца и своим внукам накажут делать то же самое. Междоусобица будет на руку главному врагу – царю гяуров. А нам необходимо крепить союз соплеменников и единоверцев против общего врага.

– Светлейший шейх, убедительность твоих слов навсегда развеяла мои сомнения, – сказал Шамиль.

Имам Гази-Магомед назначил Шамиля своим помощником по снабжению и строительству оборонительных сооружений.

Саид-кадий Араканский, обойдённый вниманием правящих кругов Койсубу, узнав о съезде учёных, духовенства, старейшин в Унцукуле, а также о готовящемся выступлении горцев, поспешил в Темир-Хан-Шуру к командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу барону Розену.

Григорий Владимирович Розен знал араканского учёного, а потому любезно принял его. С помощью переводчика кадий сообщил Розену:

– Шейх – человек, известный не только в Дагестане, но

и в Азербайджане. Этот возмутитель спокойствия, будучи арестованным Аслан-беком Казикумухским, бежал в Табасаран, затем нашел убежище в Унцукуле. Как учитель тариката он имеет большое влияние на наше духовенство. В Унцукуле недавно состоялось собрание влиятельных людей вольных обществ. На этом собрании избран имам, который возглавит повстанцев.

Шейх Магомед Ярагский

– Шейх откуда родом? – спросил Розен.

– Лезгин, из аула Яраг Касумкентского округа.

– Как зовут его?

– Шейх Магомед.

– Возраст?

– За шестьдесят.

– Одинокий?

– Нет, имеет дочь, жену.

– Как зовут избранного имама?

– Магомедом, только к его имени теперь прибавилось сло-

во «гази» – воитель за веру.

– Значит, Гази-Магомедом называют... Кто он по национальности?

– Аварец из Унцукуля. Отец родом из Гедатля, мать – из Генучутля.

– Он тоже стар?

– Нет, напротив, очень молод.

– Как же могли молодого человека назначить предводителем? Я знаю, что восстание в Чечне возглавляли убелённые сединами шейхи, как, например, Мансур... Гази-Магомед из влиятельной семьи?

– Наоборот, из семьи бедного узденя, к тому же рано осиротел.

– За что же такая честь? – спросил генерал.

– Он учён и смел, молод и здоров, то есть обладает всем тем, чего недостает его наставнику – ярагскому шейху.

– Известно ли вам, когда и в какую сторону собираются выступить мятежники?

– Этого я сказать не могу, но, если узнаю, сообщу.

– Благодарю вас.

Григорий Владимирович Розен (1782–1841) генерал-адъютант, командир Отдельного Кавказского корпуса

Розен протянул араканскому кадию кошелёк. Командую-

щий корпусом не стал писать донесение и ждать особого распоряжения. Считая нападение лучшим способом обороны, он решил выступить в сторону Гимр.

С батальоном пехоты и пятью сотнями всадников Розен двинулся к Гимрам по дороге через Ишкатры-Каранай. Перевалив через Койсубулинский хребет, отряд остановился на горе Азалкач, расположенной напротив аула.

Гимринцы, обеспокоенные внезапным появлением русского отряда, выслали парламентаров на переговоры с генералом. Розен принял их и заставил гимринского старосту дать клятву верности императору России.

Имам Гази-Магомед в это время находился в Балахани у шейха. Шамиль сообщил ему о состоявшихся переговорах и уходе отряда гяуров. Тогда шейх Ярагский велел срочно созвать глав обществ, признавших шариат, в Гимры. Выступив перед ними в мечети, Гази-Магомед сказал:

– Аллах помог нам. Аскеры⁴³ гяуров не решились спуститься с Азалкача. Нам нечего бояться их. Возвращайтесь в свои селения и скажите тем, кто ещё не поплевал на ладонь, перед тем как взяться за оружие, пусть не сомневаются. Газават объявлен. Если хотят обрести лучшее место в раю, громкую славу на этом свете и часть большой добычи, пусть поторопятся. Я жду их в урочище Чумескент.

Возвышенность, пересечённую глубокими оврагами, крутыми рвами, обрывистыми уступами скал, отвесными стена-

---

⁴³ Аскер – воин, солдат.

ми гор, поросших вековым лесом, Гази-Магомед избрал местом сбора ополчения. В этом месте, почти непроходимом, он с раннего детства знал каждый камень, каждую стежку.

Чумескентское урочище имам решил сделать ещё более недоступным, соорудив на высоких выступах гранита каменные стены с бойницами, сторожевые башни. Звериные тропы, на которые редко ступала нога человека, он преградил завалами, перед ними вырыл, замаскировав, ямы-ловушки.

Чумескент находился на расстоянии тринадцати-четырнадцати верст от Темир-Хан-Шуры, военного лагеря русских, где постоянно квартировали войска.

Бывшее маленькое селение Темир-Хан-Шура, раскинувшееся в неглубокой котловине Кумыкского холмогорья, русское командование считало важным стратегическим пунктом в Дагестане. Это место с юго-запада было окружено невысокими горами, поросшими кустами боярышника, кизила, тёрна, а также дубовым лесом. На северо-востоке лежали плешивые холмы, чередовавшиеся с солончаковыми равнинами. Через это место, позднее превращенное в губернский город, пролегали пути, ведущие из общества Койсубу и Анкратль, ханств Казикумухского, Аварского, Мехтулинского к шамхальству Тарковскому, через княжества Аксая и Эндери к равнинной Чечне и на юг – к Дербенту.

Через Чумескент шла наитяжелейшая, но и кратчайшая тропа от Гимр к Темир-Хан-Шуре. Руководя строительством укреплений и преград в Чумескенте, Шамиль вспо-

минал, как в детстве он со своим другом Магомедом не раз спускался на зад, держа за хвост скользящего вниз ослика, навьюченного плетёными корзинами с фруктами. Так, сокращая путь, спешили мальчишки к туринскому базару.

Поздней осенью, когда дремучий лес Чумескента одевался в золотисто-багряный наряд, друзья, весело смеясь, скачивались вслед за торбами толочна, сброшенными с плеч. Они шли, а под ногами предостерегающе шептала опавшая сухая листва: «В мечетях на равнине ученых немного, они живут под строгим надзором гяуров, не ходите вниз...»

Шамилю хотелось, чтобы гяуров изгнали, но не было у кумыков такой силы. Они покорились. И только теперь, когда он стал взрослым, его другу было суждено возглавить эту силу, а ему, Шамилю, как и прежде, следовать за ним.

Чумескент относился к владениям шамхала Тарковского. Но это не смущало молодого имама Гази-Магомеда, он говорил:

– Первым и последним владельцем Вселенной является Аллах, временным – человек, обладающий силой и властью.

Восьмитысячный отряд мюршида должен был собраться в Чумескентском урочище. Первым, с пятью сотнями строителей, прибыл сюда Шамиль. За ним последовали вооружённые отряды конников из койсубулинских аулов.

Силы имама Гази-Магомеда значительно пополнились за счёт кумыкских повстанцев, которых привёл в Чумескентское урочище Ирази-бек – хозяин расположенного вблизи

аула Казанище. Он поссорился со своим родственником шамхалом Тарковским и бежал в Чечню.

У Ирази-бека в княжествах Эндери и Аксая, а также в граничащих с этими княжествами аулах Чечни оказалось много друзей, которые были извещены о намерениях Гази-Магомеда.

Когда войска собрались в Чумескенте, имам устроил парад на поляне, расположенной недалеко от урочища. Кавалерия и пехота были разбиты на тысячи и сотни, назначены юзбашы⁴⁴ и минбашы⁴⁵.

После этого силы, собранные в урочище, были разделены на три части – пехоту и два конных отряда. Один отряд, во главе с Гамзат-беком Гоцатлинским и советником шейхом Шабаном Белоканским, по утверждённому на совете плану действий пошёл на юг. Второй, во главе с имамом Гази-Магомедом и шейхом Ярагским, направился в сторону шамхальства Тарковского. Пехота была оставлена при штабе имама в Чумескенте.

Положение у юго-восточных границ России было напряжённым. В связи с разрывом мирного договора с Персией часть войск, дислоцированных по линии Восточного Кавказа, была оттянута в Азербайджан – к Ширвану.

Гази-Магомед, зная об этом, торопился с выступлением.

---

⁴⁴ Юзбаш – сотенный командир.

⁴⁵ Минбаш – тысячный командир.

Отправив Гамзат-бека к Джаро-Белоканским горам, граничащим с Азербайджаном и Грузией, имам стал спускаться к Кумыкской низменности. Сначала он пошёл на северо-восток к небольшому кумыкскому селению Атлы-боюн, расположенному в глухом ущелье, среди хаоса голых скалистых громад, окружённых мертвыми, выжженными солнцем и высушенными ветром солончаковыми равнинами. Атлы-боюн находился на полпути от Темир-Хан-Шуры до городища Тарки. Жители его, подвластные шамхалу, владели жалкое существование. Они покорились Гази-Магомеду и пропустили в сторону богатого Параула, резиденции шамхала.

Тщетно пытались параульцы, преданные потомственному владыке, воспрепятствовать вторжению имама в свой аул. Одним натиском горячих коней мюридов сопротивляющиеся были сшиблены, Параул взят.

Шамхал ещё накануне вместе с семейством бежал из своей резиденции. Ему не хотелось встречаться вторично с Гази-Магомедом, который до вооруженного выступления явился к нему с Ирази-беком и сказал:

– Поистине пора отойти от тех, которые ведут к гибели тебя и весь твой род. Забудь времена, когда твоего предка Гирей-шамхала, а также князей Аксая и Эндери русский царь одаривал из своей казны. Разве ты не убедился в жестокости царского ставленника, проклятого Ярмула, который хочет, чтобы его слово крепче цепей сковывало горцев и было законом, страшнее неизбежной смерти? Грубый невежда считает нас дикими. Снисхождение в глазах наших воспринимает как признак слабости. Не он ли, многобожий гяур, единой волей пресёк всё доброе между вами и русским народом? Ярмул расправляется за малейшее непослушание не только с простыми людьми, но и с потомственными владельцами вилаетов. Он хочет уничтожить у нас всё нерусское. А царь оправдывает его зверские действия. Если не хочешь думать о своём спасении, подумай о народе. Не пожелаешь

установить в своём вилаете шариат мирным путём, мы заставим тебя сделать это насильно.

– Хорошо, – ответил шамхал, подумав, – я сделаю то, что ты говоришь.

Гази-Магомед уехал из параульской мечети, но шамхал обещания не выполнил. Из двух зол выбрал наименьшее. Он не захотел нарушать присягу, данную царю.

– Я не могу надеяться на человека, спустившегося с гор на время, – сказал шамхал жене.

– Конечно, лучше положиться на русских, – согласилась она. – По одному Ярмулу нельзя судить о русском народе. Твой прадед Адиль-Гирей был человеком дальновидным и разумным.

Жена шамхала Тарковского была мехтулинской княжной.

– Я помню, – продолжала она, – бабушка рассказывала, как шамхал Адиль-Гирей выехал встречать русско-го царя, которого звали Пётр, к Аграханскому заливу, когда тот намеревался идти на Дербент. Она говорила, что царь урусов три дня гостил во дворце в Тарках. Тот замечательный царь обласкал и одарил Адиль-Гирея. С тех пор его дети и внуки постоянно получали помощь из России. А что нам может дать нищий имам, если сами ханы аварские существовали за счёт того, что даёт им царь урусов?

– Кроме того, – заметил шамхал, – нам выгоднее жить, соблюдая адаты, узаконенные предками, в своих и наших интересах, чем внедрять шариат, который одинаково распространяется на нас и наших рабов. Мы останемся здесь до тех пор, пока нас не потревожат, и будем делать то, что делали до сих пор, – решил шамхал.

Но нукеры его были начеку. Когда им стало известно о прибытии имама с мюридами в Атлы-боюн, они поспешили удалиться вместе со своим господином и его семьей.

Придя в Параул, Гази-Магомед разграбил и сжёг дом шамхала Тарковского. Имам оставался в Парауле несколько дней. К его радости, туда пришёл с вооружённым отрядом мулла Хан-Магомед из Табасарана. Он сказал имаму:

– Почтенный гази, народ Табасарана, узнав о возведении тебя в сан имама, безмерно обрадовался и предался ликованиям. Мы получили воззвание, изучили его сами и довели

до сердец людей. Народ наш согласился принять шариат и просит прислать учёного для его утверждения. Табасаранцы шлют имаму и тебе, светлейший шейх, – мулла обратился к ярагскому праведнику, – большой салам и много добрых пожеланий в достижении успеха.

В Параул в тот же день прибыл гонец с письмом из Чумескента. Оставленный в урочище с отрядом пеших Амир-хан Чиркеевский писал Гази-Магомеду:

«Высокочтимый имам, спешу доложить, что наши люди при свете дня и во тьме ночи бродят в окрестностях Шуры и Дженгутая, неустанно следя за намерениями врагов. Нам стало известно, что находившийся в Дженгутае при Ахмед-хане Мехтулинском отряд русских солдат вместе с ханом ушёл в Шуру. Там они присоединились к силам, находящимся в крепости. Через персиянина-торговца, который часто бывает в шуринском укреплении, мы узнали, что объединенные отряды гяуров собираются выступить в сторону Тарков. Да воспрепятствует им Аллах!»

Алексей Петрович Ермолов

генерал от инфантерии и артиллерии, русский наместник
на Кавказе

Это известие не остановило Гази-Магомеда. Он тотчас покинул Параул и двинулся в направлении горы Тарки-Тау, на которой высилось старое городище.

Гора Тарки заметно выделялась в цепи громад, тянувшихся вдоль побережья седого Каспия. Её юго-восточный обрывистый склон гигантской стеной возвышался над узкой поло-

сой прибрежной равнины, которая служила проходом с юга России к странам Ближнего и Среднего Востока.

Южнее Тарков этот путь преграждался могучей стеной до бескрайней морской глади. За неприступными природными стенами прятался древний город Дербент, над которым высилась овеянная легендами цитадель Нарын-Кала. И на господствующей высоте Тарки-Тау над глинобитными домами также поднималась крепость, ограждённая валом. Внутри крепости ещё стоял полуразрушенный дворец, напоминая о днях величия и славы.

Городище Тарки, как и Дербент, издавна считалось торговым центром. Каждый четверг сюда сходились менялы – таты⁴⁶ и персы, спускались купцы-коробейники с гор, чтобы наполнить товаром свои кораба, подъезжали на скрипучих двухколесных арбах торговцы из Аксая, Эндери.

В этот день базарного четверга, беспокойный и шумный как всегда, никто не обратил внимания на западную дорогу, по которой двигался отряд мюридов.

Время было полуденное.

Лишь только тогда, когда воины имама подошли к верхней окраине Тарков, кто-то из жителей поднялся на крышу и стал кричать, обратившись лицом в ту сторону где гудел базар:

---

⁴⁶ Татгорский еврей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.